

НОВАЯ ПОЛЬША 4/2010

Содержание

1. КАТАСТРОФА
2. ***
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. РАСТОЛСТЕВШИЕ ГОСПОДА ИГРАЮТ В ВОЙНУШКУ
5. КТО КОГО ОСВОБОДИЛ
6. ЗНАЧЕНИЕ ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА
7. СТИХОТВОРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПОЭТЕСС О ПОЛЬШЕ
8. СТИХОТВОРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПОЭТЕСС О ПОЛЬШЕ
9. СТИХОТВОРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПОЭТЕСС О ПОЛЬШЕ
10. СТИХОТВОРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПОЭТЕСС О ПОЛЬШЕ
11. БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ ШЁПОТА
12. ЛЮБЛЮ ПОЛЯКОВ БЕЗ ВСЯКОЙ ПРИЧИНЫ
13. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
14. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
15. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ

КАТАСТРОФА

Самолет ТУ-154 с президентом Польши Лехом Качинским, его супругой Марией и членами официальной польской делегации на борту, отправлявшейся в Катынь для участия в памятных мероприятиях, разбился в субботу утром при посадке рядом с аэродромом в Смоленске.

Погибли 96 человек — парламентарии, руководители центральных ведомств, представители духовенства, военачальники, ветераны, представители катынских семей, сотрудники Бюро охраны правительства, члены экипажа.

До воскресенья 18 апреля в Польше будет общенациональный траур — такое решение принял маршал Сейма Бронислав Коморовский, который в соответствии с конституцией исполняет обязанности главы государства.

В России что-то меняется, переламывается...

Петр Стасинский, зам. главного редактора «Газеты выборчей». Из дискуссии на радио «ТОК ФМ» 11 апреля 2010 года.

Польша как государство оправится от удара. У нашей демократии есть разные недостатки, но она прочная, достаточно стабильная. В принципе такая ситуация предусмотрена польской конституцией.

Я беспокоюсь только, чтобы мы не погрязли в знакомых нам ожесточенных, грязных политических спорах. Чтобы смоленская трагедия не стала причиной очередного разжигания ненависти, которое будет заключаться в недобросовестных и несправедливых слепых поисках виновников трагедии.

Важно сохранить достоинство по окончании траура. Мне бы очень хотелось, чтобы мы относились к нашему государству лучше, чем до сих пор. Бедствие и болезнь нашей политики заключается не только в том, что мы приписываем другим дурные намерения, но и в том, что мы очерняем человека, поскольку его взгляды отличаются от наших.

Думаю, из этого может родиться нечто хорошее — не только в том смысле, что наше государство перенесет эту травму стабильно, но и в том, что возникнет нечто лучшее, чем до сих пор. Прежде всего я имею в виду отношения с Россией.

Мы видим то, чего я не ожидал. В эти скорбные дни российские власти действуют сверхнормативно и сверхстандартно. Это не просто политический расчет, заключающийся в том, что в один прекрасный день Путин с Медведевым решили улучшить отношения с Польшей, пригласить в Катынь Туска, которого там сопровождал Путин.

Трогает то, что происходит сейчас, после катастрофы, то, что делают для поляков русские. Особенно Владимир Путин. Он, человек, которого в Польше повсеместно критикуют, записывает специальное обращение к польскому народу, проявляет к польским властям и польскому обществу великодушие, которое видит мир.

Он обнимает польского премьера в Смоленске на месте катастрофы, приглашает его в специальную палатку, давая понять, что польский премьер тоже должен услышать отчет о ходе спасательной операции и операции по оказанию помощи семьям жертв катастрофы от различных российских служб, которые этим занимаются. Можно было передать это по-другому, но Путин хочет сделать именно этот жест, хочет, чтобы Туск услышал все непосредственно. Он хочет показать, что российские власти стараются идти полякам навстречу.

Президент Медведев объявляет в России общенациональный траур — событие беспрецедентное.

А в воскресенье утром мы узнаём, что «Катынь» Анджея Вайды будет показана уже не по каналу «Культура», который смотрит в основном интеллигенция, но по государственному РТР — на всю Россию. Благодаря этому информация о том, что такое Катынь, может быть, наконец проникнет в российское общество.

Мне кажется, что все эти решения были приняты *ad hoc*, спонтанно. Я вижу много решений, принятых на волне эмоций. Наши корреспонденты сообщают о множестве подобных эмоциональных порывов российских граждан, которые приходят к польскому посольству в Москве, некоторые плачут. Люди из спасательных служб, русские, ведут себя на месте катастрофы так, что это трогает наши сердца.

Такого рода трагедия находит в них эмоциональный отклик, они понимают подобную жертву. Пожалуй, в этом они похожи на поляков. Все это свидетельствует о том, что в России что-то меняется, переламинается...

Россия сострадает Польше

Помимо представителей верховной власти соболезнования присылают общественные организации и граждане Российской Федерации. Многие из них поступили и в адрес «Новой Польши». От имени нашей страны, от имени семей жертв благодарим всех, кто откликнулся на наше горе. В письме, направленном послу Польши в РФ Ежи Бару правление общества «Мемориал» пишет:

Мы потрясены ужасной катастрофой, произошедшей под Смоленском. Роковое стечение обстоятельств связало новую трагедию с той, которая разыгрывалась в лесах Смоленщины семьдесят лет назад. Среди погибших есть и наши коллеги, с которыми мы вместе работали над осмыслением памяти о катынском преступлении, над преодолением прошлого.

Мы просим Вас, господин Посол, передать польскому народу наши глубочайшие и искренние соболезнования.

Мы просим Вас также передать наши соболезнования семьям и близким всех тех, кто погиб в авиакатастрофе.

Из письма О.Б в редакцию «Новой Польши» от 12 апреля:

Сегодня вечером, часов в 10, я была у Польского посольства. Темно, тихо, два милиционера и дворник-таджик, который все время подметает вдоль дорожки, где лежат цветы. Хотя там чисто-чисто, ни пылинки, ни соринки. Люди кладут цветы (даже в это время было человек 10-15). Какая-то семья — мама, папа и девочка лет двенадцати — зажигала свечи, которые погасли от ветра. Место открытое, ветреное. Записочки, фотографии, к забору привязана записка: «Достаньте стаканы, и выпьем за тех...» А внизу польский флажок прикреплен... В другом месте две салфеточки (обычных, столовых) — красная и белая. Что это простые салфетки, понятно, только когда близко подойдешь. Ну не было у людей ничего под рукой, а как-то выразить свое сочувствие хотелось.

Сегодня были заупокойные службы. Не только в католических храмах, но и во всех православных. И людей везде очень много.

Все время, все эти дни показывают Варшаву, и у нас разные люди говорят — и все говорят, как ЛЮДИ. Вот хожу и думаю все эти дни: ну почему для того, чтобы все — от высших государственных чинов до бабок у подъезда — все заговорили человеческим языком и о человеческих чувствах, надо, чтобы произошла такая чудовищная трагедия?!

Наши сердца дрогнули

Адам Михник, главный редактор «Газеты выборчей»

Через четыре дня после трагедии в Смоленске президент России заявил, что польские офицеры были расстреляны по воле тогдашних руководителей СССР, включая Сталина.

Катынское преступление как никакое другое событие XX века разделило поляков и россиян. 20 лет длится между нашими странами трудный процесс раскрытия правды и возвращения памяти о том преступлении тоталитарного сталинского режима. С самого начала в этом процессе активно участвовали выдающиеся россияне -- государственные деятели, ученые, чиновники и рядовые граждане, которым Польша многократно выражала свою благодарность и уважение.

Катастрофа в Смоленске заставила дрогнуть наши сердца -- польские и русские. Сердца руководителей и простых людей. Это было как прорыв гигантской плотины, нагромоздившей невысказанные слова и жесты. В последние дни не только весь мир узнал о катынском преступлении, но также и российские политики перед лицом новой трагедии решились на беспрецедентные поступки, которые войдут в историю.

Демонстрация фильма «Катынь» Анджея Вайды по популярному каналу российского телевидения, слова президента Дмитрия Медведева о вине Сталина, предыдущие слова и поступки премьер-министра Владимира Путина -- это фундамент для новых отношений Польши и России. Так же, как цветы и свечи, принесенные на место трагедии в Смоленске, к зданию посольства Польши в Москве, к польским консульствам в других городах России. И готовность российской стороны к сотрудничеству с польскими экспертами при выяснении причин катастрофы.

Поляков и русских история часто разделяла. Бывало, что сердца по обе стороны границы горели ненавистью или тлели обидой и непониманием. Однако общая боль, общая печаль и общий траур могут это изменить.

Даже в самые тяжелые минуты нашей совместной истории с обеих сторон были люди, способные преодолеть предубеждения. Адам Мицкевич писал в период разделов Польши стихотворение «К русским друзьям». Полякам, страдающим под царским ярмом, сочувствовал Александр Герцен. В XX веке нас объединил страшный опыт ГУЛАГа, этой «бесчеловечной земли», о которой писали Александр Солженицын и Густав Герлинг-Грудзинский.

Сегодня на крови, пролитой 70 лет тому назад в Катыни и в субботу под Смоленском, зарождается подлинная польско-российская общность судеб. Спасибо вам, русские братья, за сочувствие, понимание, стихийные и искренние проявления солидарности и любую помощь, оказанную в связи с катастрофой.

Каждая смерть отзывается болью и кажется бессмысленной. Но ваша реакция на трагедию под Смоленском может сделать доброе дело для обоих наших так горько наученных историей народов.

Лев Оборин

над смоленском тучи ходят хмуро
стонет металлическая грудa
хлопья металлического снега
для чего ты здесь, литература
как предупреждение оттуда
для чего dlaczego
что за крылья за твоей спиной
тяжестью висящею, стальнойю
угол дьявольски сочтен и найден
с так и не избытою виною
смотрим киноплeнку жизнь длиною
от луны до вайды
вот второе время о котором
судят в выражении словесном
но не говорим об этом месте
чувствуем спиной и видим скорым
спутником, как ветви над смоленском
образуют перекрестье

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- „Польская экономика продолжает приятно удивлять. В четвертом квартале прошлого года она развивалась в темпе 3,1%. Это даже быстрее, чем предсказывали аналитики. В первом квартале 2009 г. наш ВВП вырос на 0,8%, во втором — на 0,1%, а в третьем — на 1,7%. И всё же конец года оказался наиболее удачным. За весь 2009 г. наш ВВП достиг 1,34 триллиона злотых. Это на 69 миллиардов больше, чем в 2008 г. (...) «По нашим оценкам, динамика ВВП в первом квартале текущего года будет удерживаться на уровне, приближенном к уровню четвертого квартала 2009 г.», — написали в комментарии экономисты банка BRE. Подобного мнения придерживаются и другие аналитики”. («Газета wyborcza», 3 марта)
- Еврокомиссия в очередной раз повысила прогнозы для Польши на 2010 год. Рост ВВП должен составить 2,6%. Кроме Польши, из шести крупных экономик быстрее всего (в темпе 1,2%) будут развиваться Германия и Франция. Общий рост по ЕС должен достигнуть 0,7%. («Жечпосполита», 26 февр.)
- „Дополнительные 3 миллиарда дотаций поделят между собой Польша, Чехия и Словакия, — сообщил вчера комиссар по вопросам бюджета Януш Левандовский. — Средства для этих государств стали наградой за более интенсивный, чем предполагалось в бюджете ЕС на 2007–2013 гг., экономический рост. Деньги, которые должны быть истрачены в 2011–2013 гг., были выделены из средств, не использованных другими членами ЕС (...) Их можно будет предназначить на дотирование транспортных, энергетических и экологических проектов”. («Дзенник — Газета правна», 26 февр.)
- Проф. Збигнев Матковский, Академия финансов: „Если в 2000 г. наш ВВП на душу населения с учетом покупательной способности валюты составлял 42% от среднего уровня в 15 странах ЕС до его расширения, то в 2008 г. этот показатель вырос до 51%. 2009 г. улучшил нашу позицию в международных рейтингах объема ВВП и его размера на душу населения. В странах Западной Европы, погрузившихся в рецессию, было отмечено падение ВВП более чем на 4%, в то время как Польша — единственная в ЕС — показала рост на 1,7%. Благодаря этому

мы достигли уже 54% от среднего уровня ВВП на душу населения в Западной Европе”. («Польска», 14 янв.)

- „До 3% по сравнению с 3,6% в январе снизилась годовая инфляция. По сравнению с январем цены в феврале выросли на 0,3%. Тем самым инфляция снова вернулась на уровень допустимых колебаний по отношению к целевому показателю Совета монетарной политики. Целевой показатель составляет 2,5% с возможными отклонениями на 1%”. («Жечпосполита», 2 марта).

- „Министерство финансов сообщило, что прошлогодний бюджетный дефицит составил 23 790 млрд. злотых. Доходы составили 274 366 млрд., а расходы — 298 156 млрд. злотых. Дефицит оказался на 10% ниже запланированного в бюджете (27 187 млрд. злотых)». («Впрост», 14 февр.)

- „По данным Главного статистического управления (ГСУ), каждый шестой поляк живет в бедности. Это столько же, сколько в среднем по ЕС (...) Согласно определению Евросоюза, лицами, находящимися под угрозой бедности, считаются люди, живущие в домашних хозяйствах, доход которых не превышает 60% среднего по стране”. («Газета выборча», 1 марта)

- „Согласно демографическим прогнозам, в Польше до 2030 г. обнаружится нехватка 2 млн. пар рабочих рук. Средний возраст поляка составит 40 лет вместо нынешних 37 (в 1950 г. этот показатель составлял всего 25,8 лет). На одного пенсионера будет приходиться менее 1,5 потенциально работающих граждан (вместо 2,6 в настоящий момент). Уже с 2020 г. невозможно будет удержать рост ВВП на уровне необходимом не только для того, чтобы догнать страны Западной Европы, но даже для того, чтобы просто предотвратить банкротство страны. Без серьезного притока иммигрантов Польша погрузится в экономический застой (...) Впрочем, даже иммиграция не решит проблему — надежду может дать просемейная политика по образцу западных стран, прежде всего Франции (коэффициент детности в Польше вот уже больше десяти лет не превышает 1,5, в то время как простая смена поколений требует по крайней мере 2,2), увеличение пенсионного возраста, а также повышение профессиональной квалификации граждан”. (Александр Качоровский, «Ньюсуик-Польша», 7 марта)

- „Управление общественного страхования требует всё больших дотаций, необходимых для выплаты пенсий и пособий (...) Дефицит фонда, из которого выплачиваются пенсии, в течение

ближайших пяти лет достигнет по меньшей мере 232 млрд. злотых, максимально же — 297 миллиардов”. («Дзенник — Газета правна», 8 марта)

• „Согласно последнему отчету «Money Track», более трети поляков довольны тем, что имеют. Растет также число респондентов, которые уверены, что их доходы будут стабильны, несмотря на всё еще не лучшее положение в экономике (64,5% в 2009 г. и 72,5% в 2010 г.) (...) Уменьшилось число пессимистов, которые опасаются ухудшения своего положения. В марте 2009 г. их было 16%. Сейчас — 13,8%”. («Дзенник — Газета правна», 4 марта)

• „«Общественный диагноз» — отчет по итогам опроса, проведенного группой ученых под руководством проф. Януша Чапинского, — (...) рисует (...) образ поляка. Мы не интересуемся общественными делами, не ценим демократию и не желаем в ней участвовать даже на низшем уровне, где влияние избирателя на местную власть (по крайней мере теоретически) самое большое. Публичную сферу мы считаем не связанной с делами, которые для нас важны. А то, что для нас важно, ограничивается четырьмя стенами наших квартир. Такая позиция очевидным образом не способствует положительной эволюции нашей демократии (...) Проф. Януш Чапинский без устали подчеркивает, что отсутствие общественного капитала (уровень доверия и участия в общественной жизни) всё сильнее затрудняет наше развитие”. (Витольд Гадамский, «Газета wyborcza», 8 марта)

• Согласно опросу ГфК «Полония» от 4–9 марта, «Гражданскую платформу» (ГП) поддерживают 53% поляков, «Право и справедливость» (ПиС) — 27%, Союз демократических левых сил (СДЛС) — 8%, крестьянскую партию ПСЛ — 4%, «Самооборону» — 2%, «Лигу польских семей», Партию женщин и «Унию труда» — по 1%. Избирательный барьер составляет 5%. («Жечпосполита», 11 марта)

• „Отказ Дональда Туска от участия в президентских выборах повышает популярность ГП (...) В феврале она получила в опросах на несколько процентов больше. Так, в опросе Лаборатории социологических исследований ее рейтинг подскочил с 45% в январе до 48%; ЦИМО — с 49 до 57%; ЦИОМа — с 38 до 43% (...) Рост ГП сопровождается кризисом оппозиции”. («Газета wyborcza», 22 февр.)

• Согласно опросу ЦИОМа, Радославу Сикорскому доверяют 59% поляков, Дональду Туску и Брониславу Коморовскому — приблизительно по 54%, Вальдемару Павляку — 45%. В

рейтинге политиков, которым мы не доверяем, первое место занимает Ярослав Качинский — об отсутствии доверия к нему заявляют более 50% опрошенных. Леху Качинскому не доверяют 47%. («Польска», 26 февр.)

- „65% опрошенных ЦИМО считают, что президент Лех Качинский плохо справляется со своими обязанностями. Положительно о президенте высказываются 25% опрошенных. Работу премьер-министра Туска положительно оценивают 45% респондентов, а отрицательно — 43%”. («Впрост», 28 февр.)

- Президентский рейтинг в варианте, предполагающем участие в выборах Радослава Сикорского (согласно опросу ГфК «Полония» от 4-9 марта): Сикорский — 25%, Лех Качинский — 19%, Анджей Олеховский — 8%. В варианте, предполагающем участие Бронислава Коморовского: Коморовский — 28%, Лех Качинский — 17%, Анджей Олеховский — 5%. («Жечпосполита», 10 марта)

- Согласно уставу ГП, формально кандидата, выдвигаемого партией на президентских выборах, утверждает съезд «Платформы», запланированный в этом году на 16 мая. До этого решение о рекомендации принимает правление ГП. («Польска», 8 февр.)

- На церемонии присяги нового президента Украины Виктора Януковича присутствовали президент Лех Качинский, председатель Европарламента Ежи Бузек, шеф европейского дипломатического ведомства Кэтрин Эштон, а также польский министр иностранных дел Радослав Сикорский. Последний в этот же день встретился с президентом Белоруссии Александром Лукашенко. («Польска», «Жечпосполита», 26 февр.)

- „Когда уходящий президент Украины Виктор Ющенко объявил Бандеру национальным героем, атмосфера в Польше, России и частично на Украине накалилась. У нас нет ни малейшего повода устраивать овацию Ющенко за то, что он сделал Бандеру Героем Украины. Но мы не имеем права и поучать украинцев, кто должен быть их героем. Пусть они сами рассудят, какие результаты принесла Украине бандеровская политика, провозгласившая врагами СССР, Польшу и Германию. Пусть это решат между собой верхи и общество свободной Украины (...) В Польше, как и на Украине, национализм принимал вид патриотизма и служения делу свободы. И у нас, и у них он вырождался в экстремальные формы, и тогда происходили страшные вещи. Чем польский экстремист лучше украинского, или украинский — польского?

(...) У нас тоже имеется проблема пантеона и принципов его создания (...) В этом смысле мы не слишком отличаемся от Украины, для которой вопрос Бандеры стал яблоком раздора". (Адам Шосткевич, «Политика», 6 марта)

• „С трубопроводом Одесса—Броды—Гданьск ничего не вышло. А вот «Индустриальный союз Донбасса» донецкого олигарха Сергея Таруты получил согласие на покупку металлургического комбината «Ченстохова» и Гданьской судовой верфи. Теперь Тарута продал россиянам контрольный пакет акций фирмы, с черного хода впуская в Польшу российский капитал. Отношения Ющенко и Леха Качинского можно назвать политической дружбой, ознаменованной совместной поездкой в Грузию и поддержкой Саакашвили — рискованной, ибо грузинский президент потерял поддержку в собственной стране. Впрочем, как и президент Украины. Но наша заинтересованность в том, чтобы Украина стала сильным, демократическим и обращенным на Запад государством, сегодня все такая же, как в начале правления «оранжевых» (...) Наши отношения с Украиной должны быть свободны от опасений, что это не понравится Москве. Однако их нельзя строить против России. Польша должна бороться за позицию посла ЕС в Киеве". (Ягелка Вильчак, «Политика», 30 янв.)

• Александр Бабаков, вице-спикер Думы: „Для Польши Россия находится сейчас на втором месте среди внешнеторговых партнеров. Развиваются культурные связи. Во время своего председательства в ЕС Польша будет выступать в контактах с Россией выразителем не столько собственных, сколько европейских интересов. Это будет способствовать тому, что Москва и Варшава будут вести диалог как более зрелые и уважающие друг друга партнеры". («Газета выборча», 15 февр.)

• „Контракт на поставки газа из России выгоден для экономики, — утверждает казначейское ведомство (...) С одной стороны, Польша на много лет станет страной транзита российского газа, с другой — гарантирует себе постоянные поставки сырья". («Жечпосполита», 18 февр.)

• „Впервые в истории российское посольство будет открыто для осмотра. Сегодня интерьеры резиденции посла на Бельведерской ул., 49 смогут увидеть несколько сот человек. «Желающих было значительно больше, но ввиду ограниченного количества мест мы должны были прекратить запись уже в понедельник», — говорит Андрей Карбовский, пресс-секретарь российского посольства". («Жечпосполита», 20–21 февр.)

• „Письмо о польско-российском примирении будет — это официальная информация. Так решили вчера представители католической и [Русской] православной Церквей. Официальные делегации двух Церквей встретились впервые за много лет (...) Диалог оживает всё больше. В сентябре 2009 г. православное духовенство из Ниловой пустыни [в этом монастыре, превращенном в концлагерь, содержалось более 6 тыс. польских военнопленных, расстрелянных в 1940 г. в Калинин] гостило в Польше по приглашению польского [католического] епископата. Тогда и появилась идея совместного письма. Монахи получили копию чудотворной иконы Ченстоховской Богородицы, которую они поместят в специально построенную часовню в монастыре под Осташковом — недалеко от места, где содержались в заключении польские офицеры”. (Катажина Висневская, «Газета wyborcza», 27-28 февр.)

• „Московская прокуратура ведет следствие по делу о печати и распространении в России журнала «Новая Польша» (...) Жалобу на журнал подал известный своими антипольскими взглядами Станислав Куняев, издатель националистического журнала «Наш современник», уже много лет борющегося с «Новой Польшей». («Жечпосполита», 5 марта)

• „Елена Паршкова, которая распространяет «Новую Польшу» в России, уже подверглась допросу (...) Ее спрашивали, как она установила связь с редакцией экстремистского журнала. «Я ответила: — А вы знаете, кто такой Ежи Помяновский? Вы знаете, что он был знаком с Анной Ахматовой, перевел на польский Исаака Бабеля и Александра Солженицына, дружил с Иоанном Павлом II? Какой же он экстремист?» — рассказывает Паршкова. По мнению редактора Помяновского, следствие — это попытка сорвать встречу Дональда Туска и Владимира Путина в Катыни. Ее предпринимают «представители самых крайних шовинистов, расистов, эпигонов российского сталинизма». «Новая Польша», издаваемая Национальной библиотекой тиражом 4 тыс. экземпляров, адресована российской интеллигенции. Она занимается в основном литературой, историей и политической мыслью, и лишь очень редко — политическими спорами”. («Газета wyborcza», 5 марта).

• „Погрузочная платформа на запасном пути железнодорожного вокзала в Перемышле. Советские солдаты под дулами автоматов гонят поляков к телячьим вагонам (...) Вчерашняя инсценировка не слишком отличалась от настоящих сцен февраля 1940 года. Только температура 70 лет назад была значительно ниже — меньше –20°. «Чтобы

достоверно изобразить ад насильственного вывоза в те дни, я провел несколько десятков разговоров с сибирскими ссыльными», — говорит Мирослав Майковский, один из создателей и сценарист реконструкции вывоза (...) Ее подготовило Общество исторической реконструкции совместно с Перемышльским культурным центром (...) В феврале, апреле и июне 1940 г., а также в июне 1941 г. советские солдаты вывезли более миллиона поляков”. (Юзеф Матеуш, «Жечпосполита», 1 марта)

- „Дом на ул. 11 ноября [в Варшаве] уже занесен в список достопримечательностей. В 1944–1945 гг. здесь располагались советские застенки, а также Военный трибунал (...) Важную роль играла т.н. сортировочная горка неподалеку. Ночью у подножия железнодорожной насыпи хоронили жертв. До 70-х годов жители сажали в этом месте цветы и зажигали лампы”. («Жечпосполита», 6–7 марта)

- „Вчера исполнилось 70 лет со дня вынесения смертного приговора приблизительно 22 тысячам польских военнопленных, захваченных советскими войсками в начале II Мировой войны. 5 марта 1940 г. нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия направил Сталину записку с предложением расстрелять их (...) Политбюро ЦК ВКП(б) выразило согласие (...) Лишь три с половиной года спустя о катынском преступлении сообщили немцы (...) «Признания России в преступлении мы ждали до 2000 г. (...)», — говорит Гжегож Хофман, председатель Общества «Катынская семья». («Газета выборча», 6–7 марта)

- Никита Петров, российский историк, занимающийся, в частности, катынским преступлением, зампреда общества «Мемориал»: „Я не хотел бы обидеть поляков, но для людей, которые 14 месяцев подряд (1937–1938) ежедневно ставили к стенке почти по 2 тысячи своих соотечественников, 25 тысяч польских военнопленных — это мелочь, не стоящая особого внимания (...) Энкаведисты расстреливали и бывших пленных из польских военных лагерей [1920 года], которые вернулись на родину. «Тройки» обрекали их на смерть только за то, что они соприкоснулись с «белополяками» и могли от них заразиться вирусом «антисоветчины». («Газета выборча», 5 марта)

- Проф. Бронислав Лаговский: „Поляки постоянно стонут по поводу потерь, которые они понесли во II Мировой войне. Многие народы понесли большие потери: евреи, русские, белорусы. Поляки не были народом, который пострадал как-то особенно”. («Ньюсуик-Польша», 7 марта)

• „Приглашение [Владимиром Путиным] премьер-министра Туска на совместные памятные торжества в честь 70 й годовщины катынского преступления имеет символическое значение. На кладбище польских офицеров появится российский лидер, который приложил много усилий к реабилитации Сталина. Еще никогда мы не были так близки к честному польско-российскому диалогу (...) Ведь проф. Адам Ротфельд, сопредседатель Польско-российской комиссии по трудным вопросам, входит также в «совет мудрецов» НАТО, который разрабатывает новую стратегическую концепцию союза (...) Стратегический союз с Россией может заключить весь ЕС. Именно в пользу такого решения должны работать наши дипломаты. С этой точки зрения участие российского премьера в торжественных мероприятиях, посвященных годовщине катынского преступления, является важным и многообещающим фактом. Но это только начало пути”. (Мирослав Чех, «Газета wyborcza», 6-7 марта)

• Андре Глюксман: „Внутренняя способность homo sapiens к геноциду, возможности, которые дает оружие массового уничтожения, толкают людей к самоуничтожению (...) Во время поездки в Аушвиц мне довелось встретить двух студенток, которых это место особенно взволновало: Анник и Милану. Первая — тутси из Руанды, вторая — чеченка. Только они способны были понять масштаб злодеяния, которое напоминало каждой из них собственный опыт (...) Была Камбоджа «Красных кхмеров», была Сребреница... [была Халабджа. — В.К.] (...) В Дарфуре счет жертвам суданской милиции шел на сотни, а беженцам — на миллионы (...) Аушвиц все еще возможен, а давший о себе знать в прошлом веке инстинкт смерти не исчез”. («Жечпосполита», 20-21 февр.)

• Марк Боал, репортер: „Много раз солдаты повторяли: «Не ходи туда, не смотри на это. Мы не подозреваем тебя в трусости, но некоторые вещи просто не нужно держать в памяти». Я их не слушал. Потом понял, что они были правы”. («Ньюсуик-Польша», 7 марта)

• „Гродзиск вновь обретает память. От гродзисских евреев осталось лишь несколько предметов: молитвенные книги, найденные на чердаке, несколько литургических сосудов, старые фотографии и один экземпляр газеты «Дос Гродзискес ворт». Со вчерашнего дня все это можно увидеть в местном Центре культуры (...) Последние полвека еврейская история города, в котором с XVI до начала XX в. евреи составляли большинство населения (перед восстанием 1863 г. — до 90%),

была запретной темой. Однако сегодня ситуация изменилась. Это заслуга местных общественников, которые выступили с инициативой «Многокультурный Гродзиск» и осуществляют пионерский проект «Еврейская улица», заключающийся в собирании документов, рассказов свидетелей и увековечении мест, связанных с прежними жителями». (Тадеуш Ужиковский, «Газета выборча», 3 марта)

• „Трудно найти варшавский офис Польского общества «Праведников среди народов мира», поскольку у него нет вывески. «Жители не хотят иметь такую вывеску на доме», — говорит председатель общества Анна Бандо (...) Она услышала, что соседи не желают, чтобы у них по коридорам шастали еврейки (это означает, что они не отличают Праведников от Спасенных). 79 летний Антоний Бохенский говорит, что с определенной неприязнью к Праведникам он столкнулся сразу же после войны. (...) «Спасение евреев приносило скорее проблемы, чем почести. Один из соседей говорил нам, что мы очень плохо сделали, спасая этих евреев», — рассказывает Бохенский (...) Председатель Общества детей Катастрофы Анна Драбик объясняет, что Праведники больше всего боятся своих соседей. Они не уверены в их реакции и не хотят искушать их информацией о том, что делал во время оккупации человек, которого они встречают изо дня в день (...) Так же, как и евреи, Праведники предпочитают особо не выставлять себя напоказ и даже скрывать правду о себе, — пишет Мартин Кальвари». (Цезарий Лазаревич, «Политика», 6 марта)

• Профессор Варшавского университета и Института славяноведения Польской Академии наук Иоанна Токарская-Бакир: „В Польше победило национал-демократическое представление о национальной общности, основанное на концепциях крови и происхождения, в то время как концепция самоидентификации, культуры и гражданства не распространяется (...) В публичном пространстве евреи по-прежнему считаются чужаками по отношению к «национальному телу», отличающимися от поляков генетически и как вид (...) Об этом свидетельствует следующее наблюдение: «Визит анкетера всеобщей переписи. Отвечая на вопрос о национальности, можно выбрать только одну возможность, и к тому же сначала ответить «нет» на вопрос о польской национальности. Поэтому я не имею права чувствовать себя и полькой, и еврейкой». (Анна Биконт, «Мы из Едвабне»)"». («Газета выборча», 6-7 марта)

• „В воскресенье Иван Шульга, журналист финансируемого Польским телевидением канала «Белсат», вышел на свободу.

Десять дней назад он был арестован по обвинению в нападении на милиционера. Против заключения Шульги протестовал, в частности, председатель Европарламента Ежи Бузек”. («Газета wyborcza», 15 февр.)

- „Вчера белорусская милиция арестовала 40 активистов Союза поляков Белоруссии (...) Арестованы были, в частности, председатель союза Анжелика Борис, заместитель председателя Мечислав Яськевич, председатель высшего совета Анджей Почобут, а также пресс-секретарь Игорь Банцер. Позже часть задержанных освободили, но они должны заплатить крупные штрафы за участие в якобы нелегальной демонстрации. Остальные приговорены к нескольким дням ареста. Новая волна преследований прокатилась всего лишь через три дня после визита в Польшу министра иностранных дел Белоруссии Сергея Мартынова”. («Жечпосполита», 16 февр.)

- „Вчера Сейм единогласно принял резолюцию, осуждающую недавние репрессии властей Белоруссии против членов Союза поляков Белоруссии”. («Польска», 18 февр.)

- „Польский дом в Ивенце принадлежит Союзу поляков Белоруссии, руководимому послушным властям Станиславом Семашко, — постановил вчера суд. Недавно дом заняла белорусская милиция”. («Жечпосполита, 18 февр.»)

- „Польша требует возвращения Союзу поляков Белоруссии, руководимому Анжеликой Борис, всех отобранных Польских домов. Речь идет об 11 центрах, финансируемых из польского бюджета, которые после 2005 г. были захвачены конкурирующим СПБ во главе с людьми, назначенными режимом”. («Газета wyborcza», 19 февр.)

- „29 млн. злотых заплатил польский налогоплательщик за 16 домов в Белоруссии, переданных «Вспульноте польской». Теперь почти все они (...) попали в руки вроде бы тоже представителей Полонии, но странных — настроенных по отношению к Польше недружелюбно и даже открыто враждебно”. (Марек Островский, «Политика», 20 февр.)

- Ян Скальский, председатель Всемирного конгресса уроженцев «кресов»: „Союз, руководимый Семашко, объединяет значительно больше поляков, чем союз госпожи Борис”. («Пшеглэнд», 7 марта)

- „Комитет помощи полякам Белоруссии (...) был образован в субботу. В него входят представители организаций Полонии из Литвы, Украины, Бельгии, Швеции и Великобритании, а также

из организаций, действующих в нашей стране, таких как «Вспульнота польска», Фонд помощи полякам на Востоке, фонд «Свобода и демократия»». («Жечпосполита», 22 февр.)

- „По мнению Лукашенко, поляки, которые попали в места лишения свободы, сами этого хотели (...) «Но мы и с ними находим общий язык», — добавил Лукашенко”. («Жечпосполита», 26 февр.)

- „В Центре здоровья ребенка в Мендзылесье (Варшава) приходят в себя после операций два пациента с востока (...) 1,5 летней Ксении на прошлой неделе врачи трансплантировали печень (...) Столь трудных операций белорусские врачи не делают. У них нет специалистов по детской трансплантологии (...) Число белорусских, литовских и украинских детей, которых лечат в Мендзылесье, постоянно растет (...) Весной Центр здоровья ребенка планирует не только лечить пациентов из Белоруссии, но и учить тамошних врачей. В прошлом году был подписан договор с клиникой из Минска (...) «Нас годами учили и оплачивали нам стипендии французы и американцы. У нас есть долг, который мы теперь должны вернуть», — говорит проф. Петр Калитинский, который 20 лет назад сделал первую в Польше операцию по пересадке печени у ребенка”. (Войцех Грейчун, «Газета wyborcza», 26 февр.)

- Винцук Вячорка, один из лидеров Белорусского народного фронта: „Меня даже несколько раздражает, что Польша заметила произвол, творящийся в Белоруссии, только когда арестовали поляков. Это признак слепоты и партикуляризма”. («Впрост», 28 февр.)

- Александр Войтович, в 1997–2001 гг. президент белорусской Национальной Академии наук, в 2000–2003 гг. председатель верхней палаты парламента: „В деле поляков речь идет о подавлении общественного стремления к независимости от властей. На такие стремления власти не могут смотреть спокойно. Поляки — не исключение. Существует целая масса организаций, которым не разрешают зарегистрироваться”. («Польска», 23 февр.)

- „Последние события ставят под вопрос усилия, направленные на укрепление отношений между ЕС и Белоруссией, — заявила глава европейского дипломатического ведомства Кэтрин Эштон, предостерегая, что визовые санкции по отношению к белорусским властям были отменены условно”. («Тыгодник повшехный», 28 февр.)

- „Европейский парламент осудил репрессии против поляков в Белоруссии. В единодушно принятой вчера резолюции евродепутаты призывают белорусские власти легализовать Союз поляков Белоруссии (возглавляемый Анжеликой Борис) и вернуть ему недвижимость. Кроме того, они требуют освобождения политических активистов (...) В то же время евродепутаты пригрозили, что если режим Лукашенко будет продолжать кормить Европу пустыми обещаниями демократизации, то ЕС может заморозить помощь и возобновить политические санкции, приостановленные в 2008 году”. («Газета выборча», 11 марта)

- „Страны Центральной Европы создадут сеть газопроводов от Балтики до Адриатики — такое решение было принято на саммите в Будапеште, в котором участвовал премьер-министр Дональд Туск (...) Подписавшие декларацию страны: Чехия, Польша, Словакия, Венгрия, Австрия, Босния, Черногория, Болгария, Хорватия, Румыния, Сербия и Словения — построят газовые сообщения друг с другом, чтобы избежать проблемы с поставками газа”. («Газета выборча», 25 февр.)

- „Премьер-министр Дональд Туск начал вчера свой первый визит на Кавказ с Азербайджана (...) Вот уже несколько лет Польша ведет переговоры о поставках азербайджанской нефти (...) В четверг Туск нанесет визит в Грузию, которая тоже участвует в проекте поставок азербайджанской нефти в Центральную Европу”. («Газета выборча», 11 марта)

- „Польские электростанции получили новое горючее — зерно. Министр экономики Вальдемар Павляк внес его в список растительных продуктов, считающихся биомассой. Энергия, которую можно получить в результате их сжигания на теплоэлектроцентралях и электростанциях, была приравнена к другим видам зеленой энергии, вырабатываемой из восстанавливаемых источников. Замминистра Йоанна Стшелец-Лободзинская призналась, что создатели новых правил видели в сжигании зерна этическую проблему”. («Политика», 27 февр.)

- „В последнем рейтинге EPI (Environmental Performance Index — Индекс экологических достижений) — классификации, которую каждые два года публикуют ученые Йельского и Колумбийского университетов, — Польша опустилась на 21 место. Мы занимаем 63-ю позицию среди 163 стран, представленных в сводке (...) «Уровень выбрасываемых Польшей парниковых газов и концентрация озона — всё еще одни из самых высоких в мире», — говорит руководитель

исследования Кристина Ким из Йельского университета”.
(«Ньюсуик-Польша», 7 марта)

- „В польских школах, учреждениях, на предприятиях, а также на дорогах всё еще находится около 14 млн. тонн асбеста. На сегодняшний день удалось устранить чуть больше 1 млн. тонн. Из них на легальные склады отходов попало менее 0,5 млн. тонн. Остальное брошено в лесах и водоемах”. (Лукаш Гуза, «Дзенник — Газета правна», 1 марта)

- „Асбест. До сих пор его можно было только закапывать. Теперь его можно будет также перерабатывать и использовать как вторсырье. Предприниматели в восторге, а ученые в ужасе (...) Новый закон допускает измельчение и переработку асбестовых отходов”. («Газета wyborcza», 8 марта)

- Европейская комиссия дала разрешение выращивать генетически модифицированный картофель (...) Картофель «Амфлора», выведенный концерном BASF, будет использоваться прежде всего в бумажной промышленности (...) Концерн, однако, признаёт, что «Амфлора» может использоваться и в комбикормах. Именно этого опасаются экологи, так как в картошке содержится генетический маркер устойчивости к некоторым антибиотикам. Существует риск, считают экологи, ссылающиеся на отчет ВОЗ, что эта устойчивость будет перенесена на другие организмы. Часть европейских правительств уже заявила, что не впустит на свою территорию «Амфлору» (...) Среди них, вероятно, будет и Польша”. («Газета wyborcza», 4 марта)

- Даниэль Кон-Бендит, лидер Зеленых в Европарламенте: „Самая большая проблема нашего правительства заключается в том, что оно не обращает должного внимания на вопросы, связанные с деградацией окружающей среды”. («Ньюсуик-Польша», 28 февр.)

- Из опроса Института экоразвития, проведенного в 2009 г.: 60% респондентов с уважением относятся к действиям экологов, 70% понимают необходимость поиска альтернатив уменьшающимся запасам природного сырья, 80% определяют свое поведение как проэкологическое. Однако при совершении покупок 80% опрошенных руководствуются прежде всего ценой, благоприятные для экологии методы производства имеют значение лишь для 5%, на тип упаковки обращают внимание 1,6% опрошенных. «Всё более очевидная истина, что охрана окружающей среды может дорого стоить, приводит к тому, что зеленые становятся в Польше врагом №1 (...) К польским экологистам, хоть они и различны во взглядах,

относятся как к монолитной массе опасных для будущего страны радикалов и как таковых их оттесняют на второй план политической сцены». (Михал Ольшевский, «Тыгодник повшехный», 7 марта)

- „Согласно опросу ГфК «Полония», лишь каждый пятый поляк склонен заплатить до 10% лишку за продукцию предприятия, которое этически относится к своим сотрудникам, клиентам, партнерам, акционерам и к своему окружению: к природе и местному населению. При этом больше половины респондентов отмечают снижение стандартов на польских предприятиях (...) Однако негативные нравственные оценки не отражаются на покупательских решениях (...) «Такие результаты исследований наводят на размышления о том, выгодна ли польским фирмам этика как таковая», — говорит Болеслав Рок из Центра этики бизнеса Академии им. Леона Козминского”. («Жечпосполита», 4 марта)

- „Польша — единственная страна ЕС, которая пыталась блокировать запрет на самый жестокий способ разведения кур в клетках, который должен вступить в силу с 2012 года. Значит, мы тормозим защиту прав животных? Проф. Анджей Эльжановский из Института зоологии Польской Академии наук: «Вырисовывается возмутительная цикличность. При последнем правительстве мы вместе с Японией и банановыми республиками поддержали возобновление истребления китов (...) В Северной и Западной Европе к вопросам прав животных относятся очень серьезно. Все знают о наших варварских перевозках коней и телят. Мы не отдаем себе отчета в том, что в настоящий момент именно это сильнее влияет на отношение к Польше, чем Коперник и Шопен вместе взятые»”. («Политика», 6 марта)

- „171 час музыки, более 200 исполнителей и произведения лишь одного композитора. Так началось празднование дня рождения Шопена (...) Точная дата рождения композитора неизвестна. Называются две даты: 22 февраля и 1 марта (...) Эдита Дуда-Олеховская (...) подала идею безостановочного концерта (с перерывом между 3 и 5 ночи) с 22 февраля по 1 марта (...) Можно просто прийти в любое время в Дом Полонии на ул. Краковское предместье в Варшаве (...) Каждый может не только послушать Шопена, но и выступить (...) На сайте www.najdluzszeurodziny.pl концерт можно смотреть непрерывно”. («Газета выборча», 23 февр.)

- „В Беловежской пуще птиц ждет визг пил и вырубка деревьев, в которых они могли бы свить гнезда. «Это варварство, с которым пора кончать», — призывают ученые и

неправительственные организации (...) До сих пор не была запрещена вырубка ни в одной из лесных зон [охваченных программой охраны] «Натура-2000». (...) Запрет на вырубку должен действовать с марта до конца августа (...) Всепольское общество охраны птиц, Лаборатория по охране всех существ, «Гринпис» и Польская зеленая сеть уже на этой неделе внесут заявление о прекращении вырубки в министерство охраны окружающей среды». (Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 23 февр.)

- „Зима — это проблема не только выброшенных из дому собак и кошек. Всё чаще бездомными остаются кролики. Часто их привязывают к деревьям, выбрасывают на свалку, оставляют в пакетах на улице, выращивают на мясо. Столичное общество защиты кроликов занимается спасением таких животных (...) В настоящий момент 60 кроликов ожидают своего дома. Их фотографии можно посмотреть на сайте www.adopcje.kroliki.net». («Жечпосполита», 1 марта)

- „Несколько дней февраля, и три жестоких нападения на полицейских (...) Виновниками были молодые люди. Младшему из них — 16 лет, старшему — 23 (...) Все пострадавшие полицейские предъявили служебные удостоверения, которые, вместо того чтобы их защитить, лишь разъярили молодых преступников (...) «72% поляков относятся к полицейским более чем дружелюбно (...) Молодые парни пытаются завоевать уважение ровесников. Один из способов — нападение на полицию (...) Наиболее агрессивна молодежь в возрасте от 17 до 20 лет», — говорит проф. Павел Мочидловский, социолог и криминолог». («Пшеглэнд», 28 февр.)

- 40 тыс. осужденных ждут заключения. 85 488 человек пребывают в настоящий момент в тюрьмах. Перенаселение составляет 0,6%. Три года назад оно составляло 21,4%. («Жечпосполита», 12 марта)

- Из отчета Института Millward Brown следует, что 56% поляков критически оценивают состояние польского правосудия. («Дзенник — Газета правна», 24 февр.)

- „Анджей Серемет будет первым после 1990 года генеральным прокурором (...) Срок его полномочий (...) составит шесть лет. Отставка до конца срока возможна только в строго определенных случаях, а добиться ее может исключительно Сейм. Президент мог выбрать одного из двух кандидатов, предложенных ему Всепольским советом правосудия». («Жечпосполита», 6-7 марта)

• „Удивительное дело: на одну из самых важных в стране должностей избрали человека, лишенного всяких связей — и политических, и даже дружеских (...) Краковский судья Анджей Серемет (...) решил, что подходит на эту должность и хочет испытать свои силы. Единственной его рекомендацией является то, что он несомненно отличный судья (...) Если же говорить о президенте Качинском, то многое указывает на то, что он выбрал Серемета, ибо, не имея на него влияния, уверен, что его не имеет и никто другой (...) Всепольский совет правосудия (...) вместо того, чтобы самостоятельно искать кандидатов и представлять их президенту, объявил открытый конкурс (...) Эффект этого эксперимента удивителен, живителен и оптимистичен. (...) Серемет — загадка даже для знакомых (...) Все говорят, что это прекрасный судья, но никто не может сказать не только, какие у него политические взгляды, но даже кого из прокуроров он знает. (...) Трудно себе представить более символическое открытие новой независимой прокуратуры”. (Эва Седлецкая, «Газета выборча», 8 марта)

• „Конституционный суд постановил, что ликвидация пенсионных привилегий сотрудников спецслужб ПНР соответствует конституции (...) Не соответствующим конституции он признал уменьшение пенсий генералам, которые ввели военное положение в 1981 г., в т.ч. генералу Ярузельскому”. («Жечпосполита», 25 февр.)

• „Конституционный суд (...) нарушил действующий правопорядок (...) Был нарушен принцип недопустимости коллективной ответственности (...) Нарушен был также принцип защиты приобретенных прав (...) Люди, которых лишили более высоких пенсий, были проверены в начале 90 х специальной комиссией, в состав которой вошли деятели оппозиции и люди, не связанные с властью. Те, кто прошел проверку, работали последние 20 лет на благо демократической системы. Постановлением суда возмущен Анджей Мильчановский. Деятель оппозиции, а позже министр внутренних дел, человек, которого никак нельзя подозревать в симпатии к госбезопасности, публично напомнил, что в ходе процесса проверки власть обязалась уважать права этих людей (...) Удивляет то, что часть судей одновременно работает в Хельсинском фонде по правам человека. Хорошо, что было хотя бы пять особых мнений”. (Станислав Подемский, «Жечпосполита», 1 марта)

• Ян Видацкий, депутат от Демократической партии, уполномоченный группы депутатов, обжаловавших закон:

„Если бы при подсчете пенсии вместо коэффициента 2,6 применить 1,3, эти люди вписались бы в общую систему. Однако к ним применён коэффициент 0,7, что создало ситуацию юридической фикции. Потому что такой коэффициент применяется в случае так называемых нестраховых периодов. То есть когда человек не работал (...) Это уже репрессия, а не ликвидация несправедливой привилегии”. («Дзенник — Газета правна», 1 марта)

- „Во времена правления коалиции ПиС, «Самообороны» и «Лиги польских семей» в 2006–2007 гг. среди 15 членов Конституционного суда появились шестеро новых судей — политически близких тогдашним властям. Планка была опущена так низко, что одному из избранных доверенных лиц, уже принесшему присягу, нужно было найти замену, потому что он в атмосфере скандала отказался от должности”. (Войцех Мазовецкий, «Газета wyborcza», 5 марта)

- „Безжалостная логика «исторической политики». Во времена ПНР в биографиях Юзефа Циранкевича не упоминался Ян Карский, поскольку, с одной стороны, не хотелось пятнать премьера какими-то контактами с «реакционным подпольем», а с другой — напоминать о героизме воина Армии Крайовой и сотрудника польского эмигрантского правительства в Лондоне. Во времена проводимой «Правом и справедливостью» исторической политики в биографиях Яна Карского не упоминается Циранкевич, так как, с одной стороны, не хочется воина АК и сотрудника лондонского правительства пятнать дружбой с красным кровопийцей, а с другой — напоминать о том, что зловещий коммунист мог спасти ему жизнь. Мотивы как будто противоположные, но результат тот же: историческая истина выброшена на свалку”. (Людвик Стомма, «Политика», 20 февр.)

- „Сначала богобоязненный министр образования светского государства распоряжением (а не Сейм — законом) ввел Закон Божий в государственных школах, а потом пошло-поехало и с тех пор идет как по маслу. Конституционный суд признал это решение соответствующим конституции, одобрил прием на работу в государственные школы учителей религии, внесение оценок по религии в аттестат и включение их в итоговую среднюю (которая облегчает доступ к стипендиям и следующим этапам образования), чтение молитв в государственных школах также вне уроков Закона Божия (...) Депутаты Малопольского воеводства приняли резолюцию, предлагающую сделать крест символом Европы”. (Даниэль Пассент, «Политика», 20 февр.)

- Проф. Станислав Обирек, Лодзинский университет: „С общественного форума исчез диалог. Вместо него появились пугливые, слабые люди, пытающиеся убедить себя и других, что строительство демократии и конструирование собственной идентичности заключается в исключении тех, у кого другие взгляды”. («Газета wyborcza», 6–7 марта)

- Католический еженедельник снова проиграл процесс. Главный редактор «Гостя недзельного» о. Марек Ганцарчик и Катовицкая архиепархия, собственник журнала, ответят за «противозаконное сравнение Алиции Тысёнц с нацистскими преступниками». На страницах журнала они должны выразить сожаление, что, «нарушая личное благо и используя язык ненависти, причинили ей боль и ущерб». Женщине, ввиду болезни глаз, врач посоветовал сделать аборт. Другие врачи, однако, отказались совершить эту операцию. Алиция Тысёнц опасалась, что из-за беременности и родов полностью потеряет зрение и не сможет воспитывать двоих старших детей. Европейский суд по правам человека присудил ей 25 тыс. евро возмещения за то, что она не имела возможности оспорить решения врачей”. («Жечпосполита», «Газета wyborcza», 6–7 марта)

- „В церкви в Грифове-Шлёнском священник проверяет присутствие гимназистов на мессах устройством, считающим папиллярные линии (...) В церковной ризнице установлено устройство, к которому гимназисты прикладывают палец до и после мессы”. («Газета wyborcza», 29 янв.)

- „Стань юным конспиратором. Музей Варшавского восстания подготовил (...) цикл встреч (...) Сегодня музей приглашает на занятия «Тетрадь юного конспиратора» для учащихся средних школ”. («Польска», 4 марта)

РАСТОЛСТЕВШИЕ ГОСПОДА ИГРАЮТ В ВОЙНУШКУ

Кому захочется жить в стране, которую всегда предавали, обманывали, справедливые притязания которой постоянно встречаются с непониманием и недооценкой, а готовность умереть за родину вошла в традицию?

— Вы считаете себя патриотом?

— Да, и мои патриотические чувства оскорбил парад молодых людей из Национал-радикального лагеря, маршировавших в День независимости по улицам Варшавы под лозунгами: «Великая католическая Польша» и «Долой еврейский шовинизм». Но еще более меня оскорбило то, что демонстрацию в городе, уничтоженном нацистами (а парад обращался к фашистской стилистике), не осудили такие учреждения, как Музей Варшавского восстания. Президент Лех Качинский, который буквально за несколько часов до этого, стоя у Могилы Неизвестного Солдата, говорил о необходимости формирования нового патриотизма, взяв за образец Вторую Речь Посполитую, и декларировал борьбу за распятия [в общественных местах], не ощутил, насколько мне известно, никакого дискомфорта в связи с таким неприятным совпадением. Наш любимый премьер тоже мог бы выступить по этому поводу, оторвавшись на минутку от парламентской арифметики. И надо было бы, чтоб из костела сестер-визитанток вышла контрдемонстрация — показать, что существует совершенно иная католическая Польша. Был упущен шанс!

— Национал-радикальный лагерь как раз родом из традиций Второй Речи Посполитой.

— Только наверняка полиция Второй Речи Посполитой не позволила бы им маршировать по Варшаве. Тогдашнее государство не очень-то приветствовало свободу собраний, а национал-радикалы были противниками той власти.

Среди того, что было светлым во Второй Речи Посполитой, — явное государственное сопротивление проявлениям расизма. Власти не одобряли «скамеечные гетто» в вузовских аудиториях и пытались предотвращать антисемитские инциденты. Проводилась, хотя и непоследовательно —

особенно на украинском «участке», — политика вовлечения нацменьшинств в государственные структуры. В армии помнили о кавалеристе наполеоновской армии Берко Иоселевиче. Популярен был генерал Бернард Монд, которого называли «Кмитицем». Во внутренней политике государства была ощутима ягеллонская идея, которая должна была (по мнению некоторых правящих политиков) объединять граждан польского государства, невзирая на их вероисповедание и национальную принадлежность.

— С одной стороны, в споре за «власть над умами», мы имеем «новый патриотизм» и «историческую политику», а с другой — направление критической истории, в число представителей которой, вольно или невольно, вы входите.

— Историческая политика для меня неизбежно противоречит исторической истине. А понятие «новый патриотизм» представляется мне понятием политическим.

— Тацит считал, что история может чему-то научить. Президент говорит, что до II Мировой войны польские школы «занимались патриотическим воспитанием» и что ему хотелось бы, чтобы такую же роль играла и современная школа.

— К ребенку следует обращаться с одним наставлением, к солдату — с другим, с третьим — к гражданину, который уже прошел армейскую службу. Вторая Речь Посполитая была страной, которая только что обрела свободу, и казалось, что ее независимость постоянно под угрозой. Государственная идея служила объединению земель, которые ранее существовали в границах трех разных государств, в рамках трех правовых систем, разных традиций. Поэтому гражданин должен был служить государству. Ну и, в конце концов, нужны были солдаты, готовые умереть за родину: это правда, об этом много и, к сожалению, пророчески говорилось. Принять такую смерть, наверное, легче было под песню «на войнушке повезет, как улан с коня падет». Теперь за Польшу погибать не требуется, да и кавалерии у нас нет. Поэтому превращать опыт Второй Речи Посполитой в фундамент патриотизма — это просто анахронизм.

— Однако многие поляки считают Вторую Речь Посполитую «образцом» государственности.

— Сейчас мы вспоминаем прекрасную речь Юзефа Бека, с которой он выступил в мае 1939 г., мы гордимся тем, что первыми сказали «нет» Гитлеру. Однако это вовсе не

освобождает нас от необходимости ответить на вопрос, почему наше государство оказалось таким слабым, не готовым к войне, самонадеянным, а элита гражданская и, хуже того, военная — в большинстве своем подвела. Интересно, что об этом гораздо более открыто, чем сегодня, писали сразу после поражения. Хотя бы генерал Стефан Грот-Ровецкий.

— Может быть, позитивное представление о Второй Речи Посполитой сохранилось в общественном сознании благодаря тому, что ее критиковали во времена ПНР?

— Безусловно.

— Если так, то прочь от этой ужасной истории — и будем смотреть исключительно в будущее.

— Да, но оглядываясь время от времени назад. Ибо история может чему-то научить, если мы отнесемся к ней серьезно. Зная прошлое, мы, возможно, сумеем предвидеть последствия некоторых аспектов нашего сегодняшнего поведения. Благодаря знанию истории можно научиться проникать вглубь человеческих мотиваций, лучше понимать других. Ведь знание прошлого формирует гражданина — человека сознательного.

Юзеф Шуйский, один из мэтров так называемой краковской школы, писал о ложной истории как о мастерице ложной политики. И если уж мы жалуемся на теперешнее состояние политики, то давайте начнем серьезно и критически подходить к истории.

— Вы считаете, что в Польше к истории не подходят серьезно?

— Слишком много внимания уделяется годовщинам, празднованиям по различным политическим поводам. А на вопрос, почему так часто в нашей истории случались поражения, у нас один ответ: нас подвели союзники, а враги были слишком коварны. Например Сталин. Ибо он не помог Варшавскому восстанию. Но, собственно, почему Сталин должен был помогать восстанию в Варшаве? Ведь восстание подняли его противники, даже враги. Действительно, с военной точки зрения Варшавское восстание было направлено против немцев, но политически — против СССР. В самом деле, от врагов, особенно от преступников вроде Сталина, трудно было бы ожидать нравственного сопереживания или какого-то особого великодушия.

— Есть участники Варшавского восстания, которые относятся к нему критически, взять хотя бы проф. Яна Цехановского.

Современную версию мифа о восстании формируют скорее публицисты, историки и деятели искусства, как, например, Ярослав Марек Рымкевич, который назвал Варшавское восстание «новым крещением Польши в крови».

— Поэтам и писателям позволено больше. Однако плохо, что таким его видели мир руководители восстания. Я читал их воспоминания, написанные в эмиграции. В них не найдешь размышлений, сомнений, все выдержано в чрезвычайно патетическом тоне, полно утверждений, что «понесенные жертвы не напрасны». Генерал Шарль Демурье писал о французских аристократах времен революции, что они ничего не забыли и ничему не научились. Если же вернуться к нашим писателям, то патриотизм Мицкевича всегда воспринимается сложно: поэт редко использует слово «Польша». Наша национальная Библия, «Пан Тадеуш», полна неоднозначных персонажей. Телимена воспевает свои победы в петербургских салонах, а достойный и уважаемый судья Соплица принял во владение усадьбу семьи Хорешко, конфискованную русскими. Но есть и ксендз Робак, и генерал Домбровский, и провинциальный патриотизм, ну и Янкель. Словацкий, любимый поэт Пилсудского, патриотично-риторичен, даже когда осуждает и стыдит свой народ.

— Словацкий писал о «черепе истлевшем» в «Могиле Агамемнона».

— Истлевший череп не отпускает слабую польскую душу, из-за этого у нас нет Леонидов, готовых сражаться за Польшу до последней капли крови. Патриотизм у Словацкого — это поиск Леонидов. Словацкий представляется тут более романтическим, чем Мицкевич, возможно, еще и потому, что сам он меньше имел дела с историей.

— Я думаю, что в споре о том, каким должен быть польский патриотизм, всё гораздо проще. Различия во взглядах на историю и патриотизм приводят к четкому политическому размежеванию. Это мы уже однажды проходили, когда в 1968 г. дискуссия о книге «Семь польских смертных грехов» полковника Залуского и о кинофильме «Лётна» Вайды закончилась тем, что патриотически настроенные рабочие активисты избили студентов-«космополитов».

— Пожалуй, о патриотизме активистов говорить сложно. Зато студенты протестовали против закрытия спектакля «Дзяды». Но это уже другая тема.

— Хотя патриотические лозунги Гомулки и Мочара нравились даже антикоммунистическим ветеранам. Многие из них вступили в Союз борцов за свободу и демократию.

— Надо ведь понять и их положение. Польские пилоты, сражавшиеся в составе Королевских военно-воздушных сил Великобритании, моряки, возвращавшиеся после войны в Польшу, часто оказывались в тюрьме. Знаменитый летчик Скальский получил смертный приговор. Но благодаря той самой «патриотической» политике Гомулки и Мочара они смогли вернуться в общество. Получили пенсии, награды, квартиры. Пилот 303 го дивизиона Витольд Локучевский даже был назначен в 1969 г. военным атташе в Великобритании. Легче стало писать о поляках, сражавшихся на Западе и в АК. Однако лицемерное использование патриотической ностальгии как некоего инструмента, конечно, было ощутимо. И следующая команда, команда Герека, уже использовала миф великой модернизации.

— А чем закончится нынешняя акция по формированию нового патриотизма?

— Я опасаясь, что патриотическое шумиха и назидания вызывают у молодого поколения только аллергию. Можно, безусловно, возмущаться припевом песни, которую исполняет группа «Strachy na Lachy» («Пустые угрозы», дословно «Пугала на ляхов»): «Почему я живу в стране, в которой все хотят меня облапошить за мои же деньги!» (в записи на диске вокалист Грабаж исполняет это уже без лицемерия), — но игнорировать популярность такой позиции невозможно. (Если вообще есть желание вступать с ней в полемику.) Кому захочется жить в стране, которую всегда предавали, обманывали, справедливые притязания которой постоянно встречаются с непониманием и недооценкой, а готовность умереть за родину вошла в традицию? Пожалуй, уже пришло время примирить патриотизм с космополитизмом, патриотизм местный, польский и европейский. А между тем у нас полно всякого рода комиксов и реконструкций исторических событий времен Варшавского восстания, в которых растолстевшие господа наряжаются в мундиры, а дамы выступают в роли девушек-связных. Недавно, впрочем, я слышал, что всё больше становится тех, кому хотелось бы играть роли немцев.

— Почему?

— Нравится немецкая форма, выходят книги, в которых превозносятся достижения гитлеровской армии с детальными подробностями вплоть до отдельных отборных дивизий. Вот

вам результаты милитаризации исторической памяти. Игра в войну — занятие инфантильное, а игра в Варшавское восстание — это уже оскорбление нашей памяти.

Беседу вел Павел Вронский

*

Томаш Лубенский — писатель, драматург, эссеист, автор таких книг, как: «Биться или не биться?» (1978), «Бело-красный» (1983), «Норвид возвращается в Париж» (1989), «Ни триумф, ни кончина» (2004), «1939. Началось в сентябре» (2009). Печатался в «Новой Польше» («Всё в семье»: 2004, №9).

(Фото: Agencja Gazeta)

КТО КОГО ОСВОБОДИЛ

Самым значительным праздником последнего года «нулевых» XXI века, безусловно, будет 65-летие окончания II Мировой войны. Хотя дата не круглая, но очень весомая, особенно в аспекте того, как было отмечено 70-летие начала войны.

У праздника есть веские основания стать существенным прогрессивным событием в мировой политической жизни. Или, напротив, реакционным, ретроградным. Всё зависит от того, как будет отмечена дата, какие проблемы и каким образом будут обсуждаться в процессе подготовки к торжеству и после его проведения.

Горькой реальностью является то, что важнейшим событиям и результатам II Мировой войны даются разные, зачастую полярные оценки не только неумными политиками, но и общественным мнением. «Почти в каждом из многообразных образов прошлого, порожденных национальной памятью, — говорится в обращении Международного общества «Мемориал» «О «национальных образах прошлого», принятом в марте 2008 г., — можно разглядеть и стремление людей оправдать собственный народ, и фрагмент исторической истины, более всего внятный именно этому народу и менее заметный для его соседей. Различие исторических оценок — это реальность, которую бессмысленно и вредно затушевывать. С ней мало просто считаться, ее надо просто понять».

Возьмем к примеру, события первого месяца II Мировой войны. Для Польши это время национальной трагедии, страна подверглась агрессии с Запада и Востока, новоявленные союзники — гитлеровская Германия и СССР — торжественно провели 28 сентября 1939 г. в Бресте парад победы. Произошел четвертый раздел польского государства. Для значительной части населения Литвы (в том числе и сегодняшней) этот период понимается как акт справедливости: возвращение Вильнюса и Виленского края. Для украинского народа — это время воссоединения украинских земель в единое целое, хотя бы и в рамках СССР.

Изгнание гитлеровцев из Прибалтики в 1944 г. советской пропагандой, многими сегодняшними россиянами трактуется как освобождение, что, безусловно, справедливо. Но многие граждане Латвии, Литвы и Эстонии считают, что произошло

возвращение режима, который менее чем за год депортировал десятки тысяч человек в Сибирь и Казахстан, утвердил тысячи приговоров по политическим обвинениям. Один историк из Вильнюсского университета сказал как-то мне: «В XX веке Литву все время освобождали, в 20 е освободили поляки, затем русские освободили страну от поляков, дальше немцы от русских, потом опять освободителями стали русские. Освобождали и забывали уйти. Это в истории человечества называется оккупация».

Майские дни 1945 го человечеством воспринимались однозначно. Победен самый жестокий в мировой истории агрессор. Заключительным аккордом торжества стал Нюрнбергский процесс. Для многих людей решения международного трибунала — апофеоз справедливости, торжества правосудия. Но в центральной украинской газете «День» в 2008 г. появились следующие «перлы» национальной политической мысли: „Дело не в Нюрнбергском трибунале, этой пародии на суд, где одни преступники вешали всех собак» на побежденных, в то время как сами совершали не меньшие преступления. Еще неизвестно, кого стоило судить в Нюрнберге, во всяком случае, судьи должны были встать рядом с осужденными для равновесия... Поэтому не стоит нацистов поливать грязью, а «своих» делать чуть ли не невинными жертвами, «белыми и пушистыми»”. Не только в России, но и в других странах Европы это вызвало справедливое возмущение. Однако нельзя не сказать, что это возмущение зачастую строится на незнании фактов, на информации, строго дозированной политической цензурой. В СССР, в частности, выводы Нюрнбергского суда трактовались как правовое евангелие, не подлежащее обсуждению и тем более сомнениям. Десятки лет от поколения к поколению Нюрнбергский суд трактовался как пример беспристрастного рассмотрения военных преступлений и преступлений против человечности вообще. Однако не всё так просто. Если мы обратимся к серьезным историческим источникам, то станет ясно, что отношение к Нюрнбергскому трибуналу было неоднозначно уже в 1945—1946 гг.

«Нюрнбергский процесс, — пишет Норман Дэвис в знаменитой «Истории Европы», — не только предоставил в громадных количествах важную историческую информацию, но и повинен в явных исторических искажениях... только в эпоху Солженицына в шестидесятые годы и затем Гласности в восьмидесятые годы общество узнало, что обвинители в Нюрнберге были не только мастерами разоблачений, но и умелыми укрывателями истины». Игнорировался на процессе

очевидный факт преступлений против человечности, совершенных войсками антигитлеровской коалиции. Исторический материал, введенный в обвинения, был столь откровенно выборочным, что даже самые искренние противники нацизма приходили в отчаяние. Своим односторонним подходом Нюрнбергский трибунал способствовал созданию ошибочного представления, будто бы поставлена точка в оценке античеловеческих преступлений, больше искать нечего. Широко популярный в те годы сенатор Роберт Тафт заявил: «Пусть и одетый в наряды правосудия, процесс был на деле инструментом правительственной политики, которая была определена задолго до того, еще в Ялте и Тегеране».

Ярким примером использования Нюрнбергского процесса в своих целях была попытка советского обвинителя включить в обвинительный приговор вопрос о массовых убийствах в Катыни. Советская команда достаточно быстро после того, как адвокаты защиты показали, что многие факты фальсифицированы, отказалась от обвинений по этому пункту. В российских исторических книгах об этом ничего не говорится, россиянам — и сегодняшнему, и старшему поколению — не известно, что международный суд принял четкое решение по одному из самых спорных вопросов в отношениях Польши и России.

Общественности мало известно мнение тогдашних критиков, что в Нюрнберге открыто менее половины правды. Мало кто знает, что многие политические деятели и военные протестовали против того, чтобы такие честные немецкие офицеры, как адмирал Дениц, сидели на скамье подсудимых с такими ярыми нацистами, как Геринг. Когда в 1956 г. Деница выпустили на свободу, несколько сотен знаменитых ветеранов из стран-союзниц во главе с американским адмиралом Нимицем выразили ему свое сочувствие.

В обращении международного общества «Мемориал» поставлен вопрос: «Имеют ли граждане России и других стран, в СССР, право гордиться военными успехами Советской Армии в 1944 году?» И дан четкий ответ: «Вне всякого сомнения: это право оплачено кровью сотен тысяч погибших солдат. Но, нисколько не поступаясь этой законной гордостью, они должны знать и понимать, что, кроме освобождения от нацизма, принесли эти успехи народам Балтии. Те же, в свою очередь, помня о своей трагической истории, должны помнить и понимать, что означает для России — да и для всего человечества, — память о великой борьбе народов с нацизмом» (выделено мной — В.С.). Вне

сомнения, эти слова относятся не только к 1944 му, а ко всем семи годам II Мировой войны. Они являются своеобразным золотым ключиком для обмена мнениями политиков, историков и публицистов при осмыслении сущности и итогов войны.

Здесь уместно вспомнить выступление Уинстона Черчилля 5 марта 1946 г. в Вестминстерском колледже в Фултоне. Мое поколение не может не помнить цунами критической грязи, выливаемой в учебниках истории на Фултонскую речь. Доходило до того, что Черчилля обвиняли в продолжении и развитии нацистской идеологии, направленной на уничтожение «первого в мире народного государства». Это говорилось о человеке, который в начале 1930-х определил наступающее время — расцвет нацистской Германии — как «дни саранчи», о человеке, который останется в истории единственным государственным деятелем, который не заигрывал с Гитлером. Это было сказано о министре, который не побоялся сказать в разговоре с послом СССР Иваном Майским о своем премьерере Чемберлене — «миротворце» Гитлера: «Невилл — дурак... Он думает, что можно ехать верхом на тигре».

В своей Фултонской речи У. Черчилль ввел в обиход понятие «железный занавес». «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике, — сказал он, — на континент опустился железный занавес. По ту сторону занавеса — все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы: Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София... Это явно не та освобожденная Европа, за которую мы сражались». Несколько раньше, в 1945 г., Уинстон Черчилль дал резкую оценку послевоенной Европе. «Что такое Европа? — писал он. — Куча мусора, склеп, рассадник заразы и ненависти». Как тут не вспомнить знаменитую блоковскую оценку послеоктябрьской России: «Но не этих дней мы ждали, а грядущие века».

Нельзя уйти от банальной фразы: жизнь подтвердила оценки и пророчества великого британца. В конце 1980-х железный занавес обрушился. Вне сомнения, это произошло в силу объективных обстоятельств, а не из-за козней пресловутых спецслужб. Суррогатная система мирового социализма в очень исторически краткие сроки рухнула, равно как и ее, тоже искусственно сооруженный, создатель — Советский Союз. Но это не принесло Европе успокоения. Напротив, противостояния обострились, особенно в постсоциалистическом пространстве. Известный диссидент, бессменный главный редактор польской «Газеты выборчей»

Адам Михник, назвав в 2004 г. в журнале «Мир перемен» события 1989 г. «осенью народов», красочно охарактеризовал последующие процессы: „...свобода возвращается в Центральную Европу; а она — в Историю как территория не только свободы и терпимости, но и ненависти и нетерпимости, этнической и религиозной. Ожили конфликты, непонятные для тех, кто воспринимал это пространство в целом как «советский блок», но более чем понятные тем, кто жил там. Действительно, из опыта многих народов и культур известна двусмысленность права народа на суверенный быт: бывало, право одного народа ущемляло интересы другого. Это не раз приводило к этническим чисткам. Недаром Франц Грильпарцер, видный австрийский писатель первой половины XIX века, пророчески предостерегал от опасности на пути «от гуманизма через национализм к зверствам». И далее: „Реальный социализм был разновидностью морозильника: многоцветный мир напряженностей и ценностей, эмоций и конфликтов, покрытый толстым слоем льда. Разморозка шла постепенно; сначала появились прекрасные цветы, затем — грязь и отвратительные отбросы. Сперва был пафос мирного падения берлинской стены и победы «бархатной революции» в Чехословакии, затем — волна бешеной ксенофобии, которая захлестнула Восточную Германию в 1992—1993 гг., распад Чехословакии в 1992 г., резкий рост антитурецких настроений в Болгарии, антивенгерских — в Румынии и Словакии, антицыганских — во многих странах и т.д.».

Вряд ли кто станет утверждать, что в последующие полтора десятка лет ситуация улучшилась. Чтобы прекратить сомнения, достаточно вспомнить войну Грузии и России 2008 г., активную поддержку грузинской стороны руководителями Польши, Украины и стран Прибалтики, а также мировую изоляцию России в вопросе о признании независимости Абхазии и Южной Осетии. А чего стоят предвыборные политические баталии на Украине, где основным оружием зачастую была история, в том числе и оценка событий II Мировой войны. Значимым здесь стало присвоение уходящим президентом звания Героя Украины Степану Бандере, имя которого проклинали сотни тысяч родственников его жертв в России, Польше и на самой Украине. Легче всего свалить всё, как это сделали российские СМИ, на умопомрачение Виктора Ющенко, но нельзя забыть показанную телевидением сцену сообщения президентом народу о своем указе. Собравшиеся в большом зале бурно зааплодировали, криков «Позор», «Ганьба» не было. С сожалением нужно констатировать, что в целом ряде регионов Украины раздавались бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Многим, в том числе и мне, подобные

ситуации, происходящие в странах Центральной и Восточной Европы, кажутся неразумными эксцессами, спровоцированными неразборчивыми политиками, краткосрочным — есть же народные культура, мораль, нравственность — массовым помешательством. Это так и не совсем так. Смена политиков, конечно же, повлияет на ситуацию, но не кардинально. Затуманенность сознания народных масс имеет глубокие корни, стала, как это ни горько констатировать, частью менталитета. Эпохальные коллизии и катаклизмы вносили в общественное сознание прочные рубцы — барьеры. В числе таких событий важнейшее место занимает II Мировая войны. Обсуждение ее причин и оценка результатов должны способствовать снижению накала обид, улучшению взаимопонимания народов.

Безусловно, значимым станет то, как будет трактоваться конечный результат войны, о чьих заслугах будут говорить СМИ, политики и историки. На протяжении многих десятилетий в Советском Союзе говорилось, что это только «наша победа». Великобритания и США ограничивались ленд-лизом, затягивали до последнего открытие второго фронта и т.п. Только в годы гласности в учебниках стали писать, что фашизм победила коалиция. Думается, в год празднования 65 летия, говоря о победителях, нельзя ограничиваться триумвиратом, обсуждением «великой тройки». Победа — это результат всех, кто боролся с фашизмом, больших и малых народов, в том числе и граждан, противостоявших гитлеризму в Германии и Италии, в поддерживающих их странах. В Великой Отечественной войне против захватчиков объединились все народы СССР, все внесли свой вклад в победу. В этом аспекте говорят о войне имеющие совесть политики и ученые. Другие же отталкиваются от сегодняшней реальности, разжигают национальные страсти, и без того обострившиеся после того, как развалилась насильственная система объединения народов.

Недавно меня втянули в дискуссию, где одним из доводов было то, что в прибалтийских странах целые дивизии воевали на стороне Гитлера. Так то оно так, но коллаборационизм процветал на всех захваченных фашизмом территориях, в том числе и в СССР. Всего в годы войны, как известно с немцами сотрудничали 1,3—1,5 млн. советских людей. В том числе в Вермахте и СС — от 900 тысяч до 1 млн. человек. Не выдерживают серьезной критики упреки прибалтам в том, что там чествуют ветеранов фашистских дивизий. Есть горькая реальность: фашистские митинги достаточно регулярно проходят в Москве и других городах России, в стране, где

буквально не зажили раны, нанесенные нацистским нашествием.

Думается, что только крайний националист не согласится с утверждением, что отвратительные сцены фашистских митингов в России ничем не отличаются от аналогичных действий в других столицах и городах бывших советских республик, разве только надписями на плакатах: там требуют выдворить русских. Нормальный в психическом плане человек не может воспринять никакие оправдания официальным разрешениям фашистских шествий и митингов, это не игнорирование, это — плевок в приговор Нюрнбергского международного трибунала. Безусловно, не может быть особых претензий к тем гражданам Западной Украины, Прибалтики, которые воевали против сталинизма, «лесные братья» своим мужеством вообще заслуживают самой доброй памяти. Сегодня партизанская война против военной оккупации, против войск оккупантов в соответствии с Женевскими конвенциями легитимна, даже действия насильственного характера против вооруженных сил считаются легитимными. Но это не относится к поддержке фашизма, к использованию фашистских методов, зверствам, уничтожению мирного населения.

Подчеркну еще раз. Если мы хотим, чтобы празднование светлой даты не стало толчком к новым раздорам, необходимо говорить не только о роли англо-американо-российской коалиции, а о всех народах, внесших свою долю в Победу. Есть страны, заслуга которых явно принижается. Это Польша, Франция, Чехословакия, Югославия. Польша в этом списке на первом месте по алфавиту. Вместе с тем именно она нуждается больше всего, чтобы ее роль в победе над фашизмом была по достоинству оценена. Тому есть несколько причин.

Прежде всего человечество всегда будет помнить, что удар фашистской машины первой на себя приняла Польша. Строго говоря, 1 сентября 1939 г. не было началом боев в Европе. После относительно мирного захвата Судетской области в марте 1939 г. немцы напали на Литву, а итальянцы в апреле вторглись в Албанию. Но механизм II Мировой войны стал раскручиваться после нападения на Вестерплатте под Гданьском.

Вторым фактором, обуславливающим необходимость усиления внимания к роли Польши в победе является героизм и храбрость поляков, одна из ведущих черт их ментальности. Некорректно, неприемлемо сравнивать, а значит противопоставлять отчаянность и храбрость воевавших против нацизма. Русские люди, а также те, которых принято

называть россиянами, в очередной раз в истории удивили другие народы своей отчаянностью в защите родной земли. Героизм показали белорусы и украинцы, прибалты, чехи, французы, югославы и другие. И всё же стоит акцентировать внимание на польской отваге. Известно, что Гитлер попытался после Мюнхена заключить сделку с Польшей. Гитлер предлагал полякам уступить Германии права на Данциг и разрешить строительство автобана Берлин — Кенигсберг по польской территории, а в обмен они могли вступить в полезный для них политико-экономический союз, направленный против СССР. Поскольку Польша была истово антикоммунистической, то многим казалось, что Польша и нацистская Германия — естественные партнеры. Однако, подчеркивает Норман Дэвис, „ни Гитлер, ни его советники ничего не знали об отчаянной храбрости поляков. Они не знали, что польские националисты были столь же враждебны Германии, сколь и России...». Внутреннее чувство польских офицеров «требовало от них сражаться и погибнуть сражаясь. Каждый ответственный деятель Польши, кому пришлось в 1939 г. иметь дело с нацистами и советскими угрозами, исповедовал моральные принципы маршала Пилсудского: «Быть побежденным, но не уступить — это и есть победа»”.

В-третьих, необходимо помнить о громадных людских и материальных потерях Польши. Здесь тоже неуместно сравнение. Нужно просто сказать, что в силу ряда обстоятельств Польша оказалась в числе стран, народное хозяйство которых было практически разрушено войной. Варшава, как и Минск, была разрушена до основания. Сотни тысяч поляков погибли на фронтах и в концентрационных лагерях, немецких и советских. В 1939—1941 гг. Польша пережила двойную оккупацию. Для нацистов Польша стала испытательным полигоном их идеологии, ко всему населению была применена бесчеловечная расовая политика *lebensraum*.

В-четвертых, нельзя забывать, что территория Польши была наиболее спорным вопросом в личных встречах Большой тройки — в Тегеране, Ялте, Потсдаме. Польша была страной, чье будущее невозможно было предрешить даже в общих чертах. Советская пропаганда требовала вернуться к границам, установленным пактом Риббентропа — Молотова, которые стали называть линией Керзона. Как всегда при этом ссылались на «просьбы» жителей восточной Польши включить их в состав СССР. В Потсдаме, не учитывая мнения поляков, граница Польши устанавливалась по Одере и Нейсе. Многие историки считают, что послевоенное положение Польши стало источником холодной войны. Обострение началось в 1946 —

1948 гг., когда полностью было нарушено Ялтинское соглашение о том, что правительство должно состоять как из членов сталинского Люблинского комитета, так и из лондонских поляков. Судьба последних в годы сталинизации Польши общеизвестна.

И, наконец, главное. В год празднования 65-летия Победы необходимо по достоинству оценить роль Польши потому, что этого не произошло в период, когда отмечалось 70-летие начала войны. Мало того, в российских СМИ, в многочисленных публикациях и телепередачах началась буквально вакханалия обвинений Польши в различных прегрешениях, вплоть до того, что из-за неустойчивости польского руководства Гитлер вынужден был напасть на Польшу. В злом умысле обвинялась армия Андерса, которая «через теплые страны» направилась на Западный фронт, уклоняясь от прямых встреч с гитлеровской армией. Много говорилось о неподготовленности и ошибочности Варшавского восстания. Лакмусовой бумажкой новоявленных историков стало отношение к Катыни. Мало кто отрицал российскую вину, зато стали раздаваться кощунственные утверждения, что Польша заслужила Катынь за отношение к советским военнопленным в 1920-е годы, а то еще и за события 1612 года.

Говорилось всё это на фоне массового незнания россиянами истории. Социологи центра Левады задали 1600 респондентам вопрос, знают ли они о том, что в сентябре 1939 г. советские войска вошли на территорию борющейся с гитлеровцами Польши. Только 16% ответили, что знают, 61% об этом не слышали. Более половины опрошенных (51%) ничего не слышала о секретных протоколах пакта Риббентропа — Молотова. На этом фоне российские СМИ выливали на массовое сознание информацию о том, что поляки готовились вместе с Германией напасть на СССР. О том, что 620 тысяч советских солдат захватили 202 тысячи квадратных километров польской территории (52,2%) и тем самым осуществили четвертый раздел Польши, не говорилось. Это и многое другое осталось вне массового сознания. К сожалению, многим российским политикам так до сих пор и не ясно, что признание того факта, что Советский Союз соучаствовал в развязывании II Мировой войны, нисколько не умаляет памяти о 600 тысячах советских солдат, отдавших жизни за освобождение Польши, о миллионах советских людей, погибших в борьбе с самой страшной чумой в истории человечества. Осмысленно, критически оценить свою историю, осудить преступления сталинизма не значит перестать быть патриотом своей великой родины. Слава российского оружия, мужество

советских солдат должны быть отделены от пагубной политики и преступлений сталинской верхушки. Было бы прекрасно, если бы удалось прийти к мнению, что договор между Сталиным и Гитлером одинаково противен и полякам, и россиянам.

Требование объективно, без предвзятости и национально-идеологической подоплеки оценить прошлое, безусловно, относится к политикам и историкам всех государств Европы. От того, насколько это удастся, зависят результаты международного празднования 65 летия победы. Как сказал, извиняясь перед изгнанными после войны из Судетской области немцами и их потомками Вацлав Гавел, «историю не вернуть, но можно о ней сказать правду».

Определенные подвижки во время международной встречи на Вестерплатте по поводу 70-летия начала войны были сделаны. Лех Качинский сказал, что участие Польши в разделе Чехословакии «было не только ошибкой — оно было грехом». Владимир Путин отметил, что парламент России осудил пакт Молотова — Риббентропа, подчеркнул, что «моя страна... признаёт ошибки прошлого». На пресс-конференции российский премьер-министр заявил о готовности решения проблем в отношениях между Польшей и Россией. Было подписано соглашение, касающееся важной проблемы судоходства в Вислинском заливе. Плодотворно обсуждался вопрос поставки в Польшу энергоносителей. Казалось бы, после такого серьезного шага популярнейшего российского политика снимаются многие проблемы, есть фундамент для дальнейших шагов к взаимопониманию двух стран, показан пример оценки событий и результатов II Мировой войны всем политикам Европейских стран. Однако уже 3 сентября главный редактор журнала «Политический класс» В.Третьяков публикует в «Известиях» антипольскую статью, попутно упрекая Путина за то, что он «слишком интеллигентно» указал полякам и «тем, кто их науськивает» выход из шизофренической русофобии: «...не искать скелеты в чужих шкафах, когда и свои переполнены». И предупредил, что России есть что «предъявить разным странам и правительствам».

Приходится только удивляться, почему В.Третьяков, опытный политолог, получивший в свое время популярность как главный редактор «Независимой газеты», не понимает, что межгосударственные отношения в XXI веке должны строиться на иной основе, чем предъявление друг другу счетов. Настала пора не делить страны на жертв и обидчиков, а искать пути к взаимопониманию равноправных народов XXI века.

Понятно, у Третьякова нашлись десятки последователей. Не один месяц в газетах и на федеральных телеканалах муссировалось высказывание Д.Медведева в интервью ведущему программы «Вести недели»: «Парламентская ассамблея стран Европы буквально совсем недавно поставила на одну доску и сделала равноответственными за II Мировую войну фашистскую Германию и Советский Союз. Но это, простите, уже просто циничная ложь». Президента с полным основанием поддержали СМИ, россияне дружно осудили этот недружественный акт, со всех сторон посыпались возмущения, продолжаются они и до сих пор. Все это правильно, если бы не одно, очень большое «НО». В принятой 3 июля 2009 года Парламентской ассамблеей ОБСЕ резолюции «Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» о II Мировой войне и чьей бы то ни было ответственности за нее не было ни слова. Говорилось там лишь о том, что в XX веке европейские страны испытали на себе два мощных тоталитарных режима, нацистский и сталинский, которые несли с собой геноцид, нарушение прав и свобод человека. Российского президента явно подвели консультанты, но об этом написано в двух—трех публикациях, прежде всего Н.Соколова в «The New Times». Широким массам это неизвестно, народ продолжает возмущаться.

Не выдерживает, к сожалению, понравившееся многим предложение Путина действовать по существующим правилам «вы нам, а мы вам», «если наши специалисты будут иметь доступ в польские архивы, то поляки будут иметь доступ в российские». Януш Куртыка, председатель польского Института национальной политики (ИНП), сразу заявил: «Все польские архивы, даже ИНП, открыты для россиян. Путин попался в ловушку своих советников».

Подобных ошибок необходимо избежать в год празднования 65 летия Победы. Для того чтобы преодолеть неугасающую напряженность между народами, объективно оценить II Мировую войну и ее последствия, нужен свободный, непредвзятый, политически нейтральный, цивилизованный обмен мнениями по всем спорным вопросам, связанных с войной. Необходима своего рода дискуссионная площадка, место, где не будет подвергнуто обструкции высказывание, расходящееся с утвердившейся официальной позицией. Нужно не вести информационные войны, не соревноваться друг с другом в обвинениях и упреках, а терпеливо разъяснять свою политику, убеждать в правоте своей позиции. Германия завоевала популярность в мире благодаря сети «институтов Гёте». Китай давно финансирует во всем мире «институты

Конфуция». Наверно, пора подумать об институтах Пушкина, Мицкевича, других национальных гениев.

Владимир Игоревич Сперанский — доктор философских наук, профессор Академии народного хозяйства при правительстве РФ.

ЗНАЧЕНИЕ ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА

В этом номере мы продолжаем публикацию материалов, связанных с именем всемирно знаменитого филолога Фаддея Францевича (Тадеуша) Зелинского (1859–1944), ученого, равно важного для русской, немецкой и польской культуры (см. «НП», 2003, №11; 2005, №12; 2009, №7–8). Многолетний профессор Петербургского университета, в 1920 г. он получил официальное назначение на должность профессора Варшавского университета, но оставался в России еще до 1922 года. В это время, продолжая научную и преподавательскую работу, он сотрудничал с петроградским Институтом живого слова, которым руководил актер Всеволод Всеволодский–Гернгросс. На открытии института (15 ноября 1918) он выступал вместе с Всеволодским и наркомом просвещения А.В.Луначарским (речь Ф.Ф.Зелинского, опубликованная в вып.1 «Записок Института живого слова», перепечатана в сборнике «Русская риторика», авт.–сост. Л.К.Граудина, М., 2001).

В Институте живого слова, действовавшем до 1924 г., читались лекции по теории и практике речи, велись записи на фонографе, проводился анализ авторского чтения поэзии.

Ф.Ф.Зелинский читал там лекции по фольклору, к сожалению, не сохранившиеся. Однако Ханна Геремек, пять лет назад скончавшаяся исследовательница жизни и творчества Зелинского, нашла в архиве Пушкинского Дома текст, который, по всей вероятности, тоже был лекцией для слушателей института. Она перевела его на польский и включила в книгу ранее не собранных статей Зелинского «Культура и революция» (Варшава, 1999). При этом она отметила, что оригинал, частично напечатанный на машинке, частично написанный от руки, в некоторых местах не поддается прочтению. Вероятно, мы не взяли бы печатать этот чрезвычайно важный текст, если бы нам на помощь не пришел Олег Лукьянченко, внук Ф.Ф.Зелинского, который приложил все труды, чтобы прочесть рукопись деда.

Петр Мицнер

Ораторское искусство как таковое с древнейших времен и поныне является предметом спора: всегда и везде его противники, — а таковых было и есть немало, — оспаривали не только его право на существование, но и самый факт его

существования, утверждая, что может быть речь только об ораторском даровании, но что ораторского искусства нет и быть не может. Оставляя область спорного в стороне, мы, думается мне, можем помириться с нашими противниками на следующем определении: ораторское искусство, буде оно существует, состоит в сознательном и рациональном развитии устного слова, то есть того средства, которое нам дано природой для сообщения друг другу... — Всякий тут подскажет — своих мыслей, но, господа, будем осторожны. Конечно, это соответствовало бы ходячему определению понятия слово, тому самому, которое имеет в виду и Талейран в своем знаменитом парадоксе, что слово дано нам для того, чтобы скрывать свои мысли. Но будет ли это определение обладать обязательной для всех определений логической полнотой? Ведь мысль, как сопоставление и подчинение друг другу представлений, принадлежит рассудочной части нашей души, слово же призвано служить не ей одной. Вспомните последние раздающиеся на сцене слова в драме Пушкина «Борис Годунов»: «...да здравствует царь Димитрий Иванович!» — не представление хочет в них передать народу Мосальский, а чувства; и последние слова самого поэта: «Народ безмолвствует», — удостоверяют, что этого чувства он ему передать не мог. Итак, дополним наше определение включением в него также и этого второго элемента, — чувства, как отправления второй, волевой части нашей души. Я думаю, что и сам Талейран ничего не будет иметь против того, чтобы мы соответственным образом дополнили его парадокс: «Слово нам дано для того, чтобы скрывать друг от друга свои мысли...». «И чувства?» — переспросим мы? О, да, — их-то и подавно.

Эта психологическая двойственность назначения устного слова имеет существенную важность для понимания и его развития в прошлом, и его роли в настоящем и будущем.

Действительно, было время, когда наш язык, по своему несовершенству, из обеих половин своей нынешней сферы деятельности мог с достаточной полнотой передавать только одну — именно чувства, для выражения которых он и поныне служит во всем животном царстве. Представлений этот первобытный язык не передавал, потому что самый естественный и потому первоначальный способ их передачи — способ подражательный — не находил в органах речи удовлетворительного орудия. Я не могу на словах подражательно передать понятие «дом», но я могу передать его с помощью руки, делая соответственный уподобляющий жест. Так-то первоначально язык жестов конкурировал с языком слов, и конкурировал на правах более сильного соперника: он

ведь мог выражать и представления, и чувства, а язык слов — только чувства. — Но вот (разумеется, я тут вкратце резюмирую результаты тысячелетнего развития) произошло то, что мой почтенный коллега профессор Бодуэн де Куртене называет очеловечением языка. Органами речи стали преимущественно органы «периферические», язык и губы, это и повело к дифференциации звуков, а через это к чрезвычайному обогащению состава слов, которые теперь — в силу ассоциаций, о которых распространяться не буду, — стали способны выражать уже не только чувства, но и представления; язык жестов стал чем далее, тем более терять почву как выразитель представлений, и разве только по беспомощности не находя сразу требуемого слова, человек стал прибегать к уподобляющему или иллюстрирующему жесту, который именно по этой причине и стал признаком дурного тона и поэтому преследуется даже там, где язык жестов нашел свое последнее убежище, — на сцене. Так-то жест уступил слову весь мир представлений, за ним осталось только выражение чувств, но и здесь его роль была слишком вспомогательной: слова сами по себе выражали чувства, сопутствующий жест мог лишь увеличить силу или наглядность этого выражения. Но и это значение жест сохранил лишь у живых, экспансивных (в оригинале слово зачеркнуто; правка неразборчива. — О.Л.) народов юга; у нас же, северян, с нашей тяжелой одеждой и холодным темпераментом, он потерял даже и эту последнюю свою позицию, эволюция достигла своей предельной точки, — слово убило жест.

Все же нельзя назвать переживаемое нами ныне время эпохой торжества устного слова; этой эпохой была так называемая классическая древность. Чтобы понять, до какой степени тогда слово царствовало во всех проявлениях общественной жизни, прошу вас представить себе, что та канцелярская работа, которая у нас кормит и одевает многотысячную толпу департаментских, палатских и прочих чиновников, в столице древнего мира, в Риме, исполнялась немногими десятками писцов, которые при том, как показывает пример Горация, вовсе не изнемогали под тяжестью своей обузы: чем более кто знает жизнь, тем разительнее покажется ему этот факт. Итак, роль пера как орудия правления была в те времена ничтожна, во всех почти проявлениях государственной жизни его заменяло живое слово. Но это еще не всё: хотя грамотность в древнем Риме была очень распространена, все же читателей там было мало, книга была роскошью, недоступною для бедноты, зато все процессы, даже самые маловажные, происходили при невероятном для нас стечении публики, видевшей в ораторах не более и не менее как своих учителей.

Итак, у нас — перо, там — слово, у нас — отношения, циркуляры, докладные записки, там — речи. Что на войне солдат, то в мирное время — оратор; кто хотел чем-либо выделиться среди других, тот должен был владеть либо мечом, либо словом, владеть же словом учила школа ораторского искусства. Об ее устройстве я здесь говорить не буду, достаточно сказать, что слово, лежащее в основе и гражданской жизни взрослого человека, и воспитания молодежи, было настоящим властелином древнего мира. Зато же и честь воздавалась ему огромная: оно отождествлялось с разумом, греческое «логос» выражало собою оба понятия. И сильнее и сильнее становилось убеждение: логос управляет миром — то глубокомысленное, мистическое убеждение, нашедшее себе высшую санкцию в начальных словах четвертого евангелия. Это было настоящим апофеозом зиждительного и властвующего слова. Великая сила, народившаяся на склоне жизни античного мира, признала не только руководящее значение слова, но и его божественность.

Это признание было вещим: после крушения древнего Рима христианство стало убежищем живого слова, христианская проповедь была той речью, которая в новой Европе продолжала побеждать сердца и управлять миром. В остальных же областях жизни роль устного слова была и не очень значительна, и не очень почетна, и чем большие успехи делала централизация новой Европы в бюрократических началах, тем более письмо торжествовало победу над речью. Своего апогея это движение достигло в 18 веке, этой классической эпохе приказов и памфлетов; кто бы тогда, оглядываясь на прошлое, пожелал вкратце охарактеризовать развитие орудий передачи мыслей и чувств, тот мог бы это сделать в следующей формуле: слово убило жест, письмо убило слово.

Девятнадцатый век дал этому движению другое направление: рядом важных государственных реформ живому слову возвращена часть того его значения, которое оно имело в древнее время.

У нас в России первым шагом в этом направлении была судебная реформа, введшая состязательное судопроизводство вместо прежнего розыскного, а с ним и устную речь на место приказов и протоколов. Она дала нам ряд блестящих ораторов, как прокуроров, так и защитников, принесших к нам лучшие традиции и западного, и, значит, косвенно и античного судебного красноречия. А это было нечто существенно новое в сравнении с давно у нас имевшимся красноречием духовным, а также и изредка дававшим о себе знать в... (нрзб) красноречием

народным. Новизна состояла в том, что тут услышанное слово непосредственно влияло на решение, непосредственно претворялось в дело: оратор уже в тот же день, часто уже через несколько минут после своей речи убеждался по вердикту присяжных, возымела ли она них то действие, которого он от нее ожидал; а оно в свою очередь научало его этим, что собственные достоинства речи от чисто академических ее средств соединяют ее с практической психологией, с живой жизнью — одним словом, открывало ораторскому слову такие просторы, которых оно никогда еще раньше не имело.

Правда, вместе с новым поприщем явились для ораторского слова и новые сложности, которых оно раньше не знало. Имея перед собою большей частью простых смертных, не искушенных в практике судопроизводства, не знакомых с миром, в котором творятся преступления... (нрзб) чем убеждающей, действующей на чувства скорее, чем на разум, речи — нелегко было уберечься от соблазна демагогических приемов. Ведь мерилом достоинства оратора был благоприятный ему вердикт присяжных — как было не постараться повлиять на него таким изобретением. Такой окраской фактов, которая, хотя бы и вразрез с истиной и в ущерб правосудию, могла создать этот благоприятный вердикт? И конечно, никто не скажет, чтобы наши ораторы никогда не поддавались этому соблазну. Но если ораторское слово и бывало иногда таким ядом, все же противоядие заключалось опять-таки в нем же: защитник имел возможность в своей речи уличить в пристрастии зарвавшегося прокурора, прокурор в своем втором слове — обнаружить недобросовестность увлекшегося защитника. Вообще, как здоровый организм сам выделяет болезнетворные зародыши, губительные для слабого, так и устное слово здорового народа способно справиться само с вводимой в него злонамеренными или некомпетентными людьми отравой.

Но история учит нас, что и судебное красноречие только там и достигает полного своего расцвета, где оно находит себе опору и поощрение в одновременно существующем красноречии политическом, но тот второй, лишь в силу неблагоприятных условий, заставил себя ждать целых сорок лет. Политическое красноречие явилось у нас лишь с возникновением нашего парламента — государственной души. Еще шире стал простор, открывшийся ораторскому слову: уже не судьба отдельных человеческих особей, ждущих своего приговора на скамье подсудимых, — судьба целого великого народа была ему вверена, и конечно, в такой же мере возросла и опасность демагогической отравы. Политические страсти гораздо сильнее

состязательного задора судебных прений, и если на думской трибуне яд и находил себе противоядие благодаря обеспеченной председательским беспристрастием свободе слова, то в менее взыскательных по этой части народных сходках с их нередко производимым над неугодными ораторами насилием действительность этого противоядия была очень сомнительной. Вот и появился у нас тот низкопробный вид политического красноречия, именуемый митинговым. По своему существу и по своим действиям он очень неутешителен, и можно лишь пожелать, чтобы здоровый организм нашего народа дал ему силы выделить из себя и эту отраву.

Как бы то ни было — значение живого слова и у нас растет с каждым десятилетием. А вместе с этим растущим значением увеличивается и потребность разобраться в том, что служит его орудием — в языке, определить, всё ли так же он силен, как в былые дни, не нанесло ли ему ущерба долговременное преобладание письма над словом. Я должен сказать, что это — вопрос, насколько мне известно, новый; все же я считаю его очень существенным, и моя учебная деятельность, как представителя кафедры классической филологии, сплошь и рядом меня на него наталкивает. Мне беспрестанно приходится сравнивать античную прозу с современной русской; и вот я прихожу к убеждению, что разница между ними обуславливается главным образом следующей антитезой: в древности литературная речь развивалась под влиянием устного слова, у нас же она развивалась и развивается под влиянием слова письменного. Следует ли в этом преобладании письма над словом видеть прогресс в сравнении с античностью или регресс? Постараюсь это выяснить в кратком рассуждении.

Мы видели уже, что назначение слова состоит в передаче представлений и чувств; как же передаются эти различные категории душевных явлений? Очевидно, что словесный состав речи служит главным образом передаче представлений, сопровождающие же эти представления чувства передаются главным образом интонацией речи, то есть усилением и ослаблением, повышением и понижением голоса, ускорением и замедлением темпа. Конечно, это средство не единственное; и подбор слов, и художественная их расстановка (так называемые фигуры) служат выражением сопровождающих представление чувств, но эта их роль не только второстепенна в сравнении с интонацией — она допустима и действительна только при одновременной соответственной интонации. Чтоб в этом убедиться, возьмите речь, богатую и сильными

выражениями, и фигурами, речь Брута у Шекспира, например; представьте себе ее прочитанной с монотонной интонацией безо всякого изменения в голосе. «Есть ли между вами такой низкий человек, что желает быть рабом? Если есть, пусть ответит: я его оскорбил. Есть ли такой дикарь, что не желает быть римлянином? Если есть, пусть ответит: я его оскорбил. Есть ли такой гнусный, что не любит своей родины? Если есть, пусть ответит: я его оскорбил». Все построение этой тирады покажется неестественным и «риторичным»; несомненно, что при такой монотонной читке возможной представится лишь такая структура: кто находит мой поступок оскорбительным для себя, тот этим доказывает, что он либо по своему малодушию не дорожит своей свободой, либо по некультурности готов отречься от имени римлянина, либо по испорченности своего характера не питает привязанности к своей родине — т. е. такая, которая передает одну только мысль безо всяких сопровождающих чувств.

Теперь станет понятно, каково должно быть влияние письменного слова на литературный язык. Письменное слово именно интонации не может передать: однообразно буква за буквой, при соблюдении всех типографических интервалов, тянутся бесконечной вереницей напечатанные слова. Конечно, мы и здесь делаем различие; мы говорим: «такая-то книга написана живо, — такая-то нет», но мы это говорим только потому, что мы не совсем еще отвыкли от устного слова, что мы при чтении книги живым и красочным подбором и расстановкой слов невольно от себя привносим ту интонацию, при которой эта живость и красочность делается естественной. Но понятно, что и эта способность недолговечна; чем более у человека писание преобладает над говорением, чтение над слушанием — тем слабее и слабее делается эта внутренняя мелодия речи. Сколько между нами таких, которые неспособны выразительно прочесть мало-мальски патетический, т. е. прочувствованный отрывок! Это мы замечаем, так как есть с кем их сравнить. Но того мы не замечаем, что мы все сколько нас ни есть этой способностью обладаем в значительно меньшей доле, чем древние, а между тем это несомненно так, и речи древних ораторов потому только на наш вкус отдадут риторикой, что мы сильно потеряли способность и выражать и воспринимать сопутствующие представлениям чувства. Таково влияние письменного слова на литературный язык: еще несколько столетий этого преобладания — и в результате получится серая, безучастная, лишенная всяких сопровождающих чувств книжная речь. Слово перестанет быть выразителем обеих категорий душевных явлений: оно

сохранит лишь половину той области, которая некогда ему принадлежала вся.

Противодействовать этому оскудению можно только одним путем: всячески содействуя развитию устного слова. А этим заодно дан ответ на поставленный выше вопрос о значении ораторского искусства. Называя его искусством, мы вовсе не налагаем клейма искусственности на ту речь, которая является результатом его влияния — совсем напротив: мы требуем от него, чтобы оно вернуло нашему слову ту естественность, которая ему была присуща некогда, чтобы оно научило нас делать нашу речь полной выразительницей того, что мы переживаем в своей душе. Очень правильно и глубоко изречение, приписываемое одному французцу: «Требуется много искусства для того чтобы быть естественным». Да. Требуется. Надо было только прибавить: «для нас». Уж таково было положение нашей культуры в новейшее время: предоставленные самим себе, мы неизбежно впадаем в вычуру, в условность, в неестественность. И тогда добрый гений человечества возжигает над нами огонь Возрождения: мы возвращаемся к античности. Сначала ее глазами, а затем, окрепши, своими собственными учимся видеть природу и познавать ее. Возрождение изобразительных искусств в XIV—XV—XVI вв. — вот лишь один пример среди многих; об ораторском слове можно отчасти сказать то же самое.

Отчасти? Да: его полного возрождения еще не наступило. Но оно неминуемо. Античность еще далеко не сослужила нам своей последней службы. И тогда только, когда оно у нас наступит в полной мере — тогда только и русский язык развернет все силы, вложенные в него природой, и познает себя как могучее орудие ораторского слова.

СТИХОТВОРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПОЭТЕСС О ПОЛЬШЕ

Наталья Горбаневская

All I have is a voice...

W.H.Auden

Эти места,
где нигде не была я.
Холод холста
на закраине рая.
Ноты с листа
ненаверно играя,
глянешь в окно:
скушно, смешно.
Там в сентябре
ты проехал в телеге,
в пыльной жаре,
позабыв о ночлеге,
а на заре,
очутившись в побеге,
вынул смычок,
вывел крючок.

Это заря
наступает с востока,
шестизарядна,
шестидесятиока,
значит, не зря
перестала до срока
скрипочка петь,
половица скрипеть.

Мария Ватутина

РЫНОК

По Варшаве, Варшаве, по чужой по державе
Снег. Морозно стоять.
Это значит: торговка, полу-дух, полукровка,
Обморожусь опять.
Дикий рыночек в центре, в нулевом километре.
Перестроечный гам.
Я припомню едва ли, чем мы там торговали,
Как мы выжили там...
Восемнадцать. Красотка. Рядом — наша высотка
Пиком застила свет.
Пан за паном смеется: — Почем панина доца?
Мать смеется в ответ.
Отвечает: недрого. Только я — недотрога,
Я зубами стучу,
Ною русские песни, наживаю болезни
И в Россию хочу.

У меня — ностальгия. Знаю, знаю, Россия —
Мерзлота еще та,
Но за Брестским зазором стала личным позором
Мне ее нищета.
Первый выводок рынка посреди поединка:
Предложение — спрос,
От икорки до водки, чтобы — польские шмотки,
Чтобы выжить всерьез.
Хохломская посуда, шали Павлопосада,
Всё сметали они.
На осине — Иуда. На России — засада.
В Польшу — больше ни-ни.

Ната Сучкова

ПОХИЩЕНИЕ ЕВЫ

Твердое, точно орех,
слово на чужом языке.
Стены в афишах — куда приклеишь?
Страшно услышать, что ты стареешь,
точно покрываешься черствой коркой,
польские журналы, актер, акторка,
это очевидно вот на этом повторе
и на этом поклоне.
Спит седовласая твоя Варшава,
руки твои, как и раньше, шершавы,
кто выпьет сладкой твоей отравы

из хрустального башмачка?
Где-то на заднем куранты бьют,
это, говорю, настоящий брют,
огненное абрау,
остальное ты по губам прочла,
как положено: слева направо.
в чем-то он прав твой второй режиссер:
тебе стоит коротко стричься,
у тебя подбородок так сладко остер,
грех прятать такое личико.
да и не спрячешь горящих глаз —
таких не бывает синих!
и не обнять тебя прямо сейчас
стоит немалых усилий
на поле дураков
один посреди ветров,
разве может он в такой час работать?
ты когда-то здесь обронила злотый,
самый первый раз посмотрев столицу,
и теперь тебе воздают сторицей:
золотой, умноженный во сто крат.
Слава Богу, мы нашли банкомат!
где же тут есть эта касса билетова?
первоянварское, зимово-летово,
следующий только минут через сорок
пани, поспешны! да, скорый, скорый!

разве тебя просто так упросишь
да и мой польский, о Боже, my Polish
поезд, летящий в Гданьск,
только украсть, украсть!

Я смотрю в монитор, вижу вены на шее,
Ты ползешь по земле, блиндажи, траншеи,
Одинокий солдат войска польска...

Я шепчу тебе: девочка, бойся!
Дотянись до воронки, спрячься за эту ветку,
Вытряхни воду из игрушечного пистолета,
Говорила, поедem в Гданьск этим летом,
Помни прошу об этом!

Не забывай, как куранты бьют,
Поцелуй торопливый, обмен валют
— Хочешь попробовать, это — брют?
Через пару мгновений тебя убьют.

Ты встаешь с земли,
гимнастерка пропахла потом,
ничего, смотри:
это всего лишь работа,
выдыхаешь размазанным ртом:
чуть попозже, потом, потом.

К гимнастерке ситцевой
Голубой берет,
Солдатня присвистывает
Тебе вслед,

Солдатня притопывает
И гогочет громко,
По каким притонам он
Набирал массовку?!
Всё нормально, они
все ребята хорошие:
понаелись земли,
а работа грошева.
Дубль за дублем
падают и кричат,
где добудем мы
вам других солдат?
Спотыкаясь, валясь, заплетаясь,
в проводах, что ползут, извиваясь,
я на взводе уже, взрываюсь:
мы закончим хотя бы к утру?
Они воду льют в кобуру,
это просто кино про войну,
на чужом ничего не пойму,
и от боли почти задыхаюсь,
костюмер скачет прыткий как заяц,
кто-то сзади приносит лед,
это крохотный эпизод,
мы, похоже, успеем к утру,
но пока у тебя к курку
должен просто примерзнуть палец.

То ли дождь идет, то ли дым
По рукам плывет по твоим,
По запястьям, родинкам на плече,
По словам ja Kocham cie*.
Здесь набросали ломанных стульев,
От софитов жара, точно мы в июле,
Драматические коряги, жестяное ведро,
У меня, как пить, сломано ребро.
Сколько в бутафорских бродить лесах?
Всполохи ракет у тебя в глазах,
У тебя прививка на плече видна,
И никак в глазах не достать до дна,
До чего ж холодная там вода!
Из которого ты сделана ребра?
У меня с твоим именем не библейские ассоциации:
какой-то придурок, орущий его по рации,
двоюродная литовская тетка,
целующая меня в губы,
немецкое порно, ускоренная перемотка,
и дрожь, наполняющая трубы,
звнящая в проводах,
соленый дымок в приоткрытую форточку,
вода огуречная на рукавах,
и мальчик сидит у дороги на корточках,
и слышно как яблоки зреют в садах.
Снято, ребята, снято!

Точно бумажка смята,
Брошена в снежную слякоть.
Где мне теперь ее спрятать?
Долго ли колесить
В тонком, как плащ, такси?
Варшава Гданьска, приятель.
Всё, на сегодня хватит!
Она вытирает руки,
Она трет больное колено.
— Быстрее, мы ее простудим!
И я похищаю Еву.

[coda]

пообещай мне Еву
за эти дрожащие строчки,
за шепот этот неверный,
предательский этот почерк
на — каблучками острыми -
страницах изрешеченных,
просолены ее простыни,
и губы ее перчены,
короткое платье — хруст его,
прожилки на бедрах узких,
советские ее бусики
и ломанный ее русский,
и голос ее простужен
— а рифмы опять неточны -

очков прикусила дужку
и смотрит на эти строчки,
читает — и рот грустней —
как будто билет обратный,
и, слава Богу, что ей
одно только имя понятно.

СТИХОТВОРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПОЭТЕСС О ПОЛЬШЕ

Наталья Горбаневская

All I have is a voice...

W.H.Auden

Эти места,
где нигде не была я.
Холод холста
на закраине рая.
Ноты с листа
ненаверно играя,
глянешь в окно:
скушно, смешно.
Там в сентябре
ты проехал в телеге,
в пыльной жаре,
позабыв о ночлеге,
а на заре,
очутившись в побеге,
вынул смычок,
вывел крючок.

Это заря
наступает с востока,
шестизарядна,
шестидестиока,
значит, не зря
перестала до срока
скрипочка петь,
половица скрипеть.

Мария Ватутина

РЫНОК

По Варшаве, Варшаве, по чужой по державе
Снег. Морозно стоять.
Это значит: торговка, полу-дух, полукровка,
Обморожусь опять.
Дикий рыночек в центре, в нулевом километре.
Перестроечный гам.
Я припомню едва ли, чем мы там торговали,
Как мы выжили там...
Восемнадцать. Красотка. Рядом — наша высотка
Пиком застила свет.
Пан за паном смеется: — Почем панина доца?
Мать смеется в ответ.
Отвечает: недрого. Только я — недотрога,
Я зубами стучу,
Ною русские песни, наживаю болезни
И в Россию хочу.

У меня — ностальгия. Знаю, знаю, Россия —
Мерзлота еще та,
Но за Брестским зазором стала личным позором
Мне ее нищета.
Первый выводок рынка посреди поединка:
Предложение — спрос,
От икорки до водки, чтобы — польские шмотки,
Чтобы выжить всерьез.
Хохломская посуда, шали Павлопосада,
Всё сметали они.
На осине — Иуда. На России — засада.
В Польшу — больше ни-ни.

Ната Сучкова

ПОХИЩЕНИЕ ЕВЫ

Твердое, точно орех,
слово на чужом языке.
Стены в афишах — куда приклеишь?
Страшно услышать, что ты стареешь,
точно покрываешься черствой коркой,
польские журналы, актер, акторка,
это очевидно вот на этом повторе
и на этом поклоне.
Спит седовласая твоя Варшава,
руки твои, как и раньше, шершавы,
кто выпьет сладкой твоей отравы

из хрустального башмачка?
Где-то на заднем куранты бьют,
это, говорю, настоящий брют,
огненное абрау,
остальное ты по губам прочла,
как положено: слева направо.
в чем-то он прав твой второй режиссер:
тебе стоит коротко стричься,
у тебя подбородок так сладко остер,
грех прятать такое личико.
да и не спрячешь горящих глаз —
таких не бывает синих!
и не обнять тебя прямо сейчас
стоит немалых усилий
на поле дураков
один посреди ветров,
разве может он в такой час работать?
ты когда-то здесь обронила злотый,
самый первый раз посмотрев столицу,
и теперь тебе воздают сторицей:
золотой, умноженный во сто крат.
Слава Богу, мы нашли банкомат!
где же тут есть эта касса билетова?
первоянварское, зимово-летово,
следующий только минут через сорок
пани, поспешны! да, скорый, скорый!

разве тебя просто так упросишь
да и мой польский, о Боже, my Polish
поезд, летящий в Гданьск,
только украсть, украсть!

Я смотрю в монитор, вижу вены на шее,
Ты ползешь по земле, блиндажи, траншеи,
Одинокий солдат войска польска...

Я шепчу тебе: девочка, бойся!
Дотянись до воронки, спрячься за эту ветку,
Вытряхни воду из игрушечного пистолета,
Говорила, поедem в Гданьск этим летом,
Помни прошу об этом!

Не забывай, как куранты бьют,
Поцелуй торопливый, обмен валют
— Хочешь попробовать, это — брют?
Через пару мгновений тебя убьют.

Ты встаешь с земли,
гимнастерка пропахла потом,
ничего, смотри:
это всего лишь работа,
выдыхаешь размазанным ртом:
чуть попозже, потом, потом.

К гимнастерке ситцевой
Голубой берет,
Солдатня присвистывает
Тебе вслед,

Солдатня притопывает
И гогочет громко,
По каким притонам он
Набирал массовку?!
Всё нормально, они
все ребята хорошие:
понаелись земли,
а работа грошева.
Дубль за дублем
падают и кричат,
где добудем мы
вам других солдат?
Спотыкаясь, валясь, заплетаясь,
в проводах, что ползут, извиваясь,
я на взводе уже, взрываюсь:
мы закончим хотя бы к утру?
Они воду льют в кобуру,
это просто кино про войну,
на чужом ничего не пойму,
и от боли почти задыхаюсь,
костюмер скачет прыткий как заяц,
кто-то сзади приносит лед,
это крохотный эпизод,
мы, похоже, успеем к утру,
но пока у тебя к курку
должен просто примерзнуть палец.

То ли дождь идет, то ли дым
По рукам плывет по твоим,
По запястьям, родинкам на плече,
По словам ja Kocham cie*.
Здесь набросали ломанных стульев,
От софитов жара, точно мы в июле,
Драматические коряги, жестяное ведро,
У меня, как пить, сломано ребро.
Сколько в бутафорских бродить лесах?
Всполохи ракет у тебя в глазах,
У тебя прививка на плече видна,
И никак в глазах не достать до дна,
До чего ж холодная там вода!
Из которого ты сделана ребра?
У меня с твоим именем не библейские ассоциации:
какой-то придурок, орущий его по рации,
двоюродная литовская тетка,
целующая меня в губы,
немецкое порно, ускоренная перемотка,
и дрожь, наполняющая трубы,
звнящая в проводах,
соленый дымок в приоткрытую форточку,
вода огуречная на рукавах,
и мальчик сидит у дороги на корточках,
и слышно как яблоки зреют в садах.
Снято, ребята, снято!

Точно бумажка смята,
Брошена в снежную слякоть.
Где мне теперь ее спрятать?
Долго ли колесить
В тонком, как плащ, такси?
Варшава Гданьска, приятель.
Всё, на сегодня хватит!
Она вытирает руки,
Она трет больное колено.
— Быстрее, мы ее простудим!
И я похищаю Еву.

[coda]

пообещай мне Еву
за эти дрожащие строчки,
за шепот этот неверный,
предательский этот почерк
на — каблучками острыми -
страницах изрешеченных,
просолены ее простыни,
и губы ее перчены,
короткое платье — хруст его,
прожилки на бедрах узких,
советские ее бусики
и ломанный ее русский,
и голос ее простужен
— а рифмы опять неточны -

очков прикусила дужку
и смотрит на эти строчки,
читает — и рот грустней —
как будто билет обратный,
и, слава Богу, что ей
одно только имя понятно.

СТИХОТВОРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПОЭТЕСС О ПОЛЬШЕ

Наталья Горбаневская

All I have is a voice...

W.H.Auden

Эти места,
где нигде не была я.
Холод холста
на закраине рая.
Ноты с листа
ненаверно играя,
глянешь в окно:
скушно, смешно.
Там в сентябре
ты проехал в телеге,
в пыльной жаре,
позабыв о ночлеге,
а на заре,
очутившись в побеге,
вынул смычок,
вывел крючок.

Это заря
наступает с востока,
шестизарядна,
шестидесятиока,
значит, не зря
перестала до срока
скрипочка петь,
половица скрипеть.

Мария Ватутина

РЫНОК

По Варшаве, Варшаве, по чужой по державе
Снег. Морозно стоять.
Это значит: торговка, полу-дух, полукровка,
Обморожусь опять.
Дикий рыночек в центре, в нулевом километре.
Перестроечный гам.
Я припомню едва ли, чем мы там торговали,
Как мы выжили там...
Восемнадцать. Красотка. Рядом — наша высотка
Пиком застила свет.
Пан за паном смеется: — Почем панина доца?
Мать смеется в ответ.
Отвечает: недорого. Только я — недотрога,
Я зубами стучу,
Ною русские песни, наживаю болезни
И в Россию хочу.

У меня — ностальгия. Знаю, знаю, Россия —
Мерзлота еще та,
Но за Брестским зазором стала личным позором
Мне ее нищета.
Первый выводок рынка посреди поединка:
Предложение — спрос,
От икорки до водки, чтобы — польские шмотки,
Чтобы выжить всерьез.
Хохломская посуда, шали Павлопосада,
Всё сметали они.
На осине — Иуда. На России — засада.
В Польшу — больше ни-ни.

Ната Сучкова

ПОХИЩЕНИЕ ЕВЫ

Твердое, точно орех,
слово на чужом языке.
Стены в афишах — куда приклеишь?
Страшно услышать, что ты стареешь,
точно покрываешься черствой коркой,
польские журналы, актер, акторка,
это очевидно вот на этом повторе
и на этом поклоне.
Спит седовласая твоя Варшава,
руки твои, как и раньше, шершавы,
кто выпьет сладкой твоей отравы

из хрустального башмачка?
Где-то на заднем куранты бьют,
это, говорю, настоящий брют,
огненное абрау,
остальное ты по губам прочла,
как положено: слева направо.
в чем-то он прав твой второй режиссер:
тебе стоит коротко стричься,
у тебя подбородок так сладко остер,
грех прятать такое личико.
да и не спрячешь горящих глаз —
таких не бывает синих!
и не обнять тебя прямо сейчас
стоит немалых усилий
на поле дураков
один посреди ветров,
разве может он в такой час работать?
ты когда-то здесь обронила злотый,
самый первый раз посмотрев столицу,
и теперь тебе воздают сторицей:
золотой, умноженный во сто крат.
Слава Богу, мы нашли банкомат!
где же тут есть эта касса билетова?
первоянварское, зимово-летово,
следующий только минут через сорок
пани, поспешны! да, скорый, скорый!

разве тебя просто так упросишь
да и мой польский, о Боже, my Polish
поезд, летящий в Гданьск,
только украсть, украсть!

Я смотрю в монитор, вижу вены на шее,
Ты ползешь по земле, блиндажи, траншеи,
Одинокий солдат войска польска...

Я шепчу тебе: девочка, бойся!
Дотянись до воронки, спрячься за эту ветку,
Вытряхни воду из игрушечного пистолета,
Говорила, поедem в Гданьск этим летом,
Помни прошу об этом!

Не забывай, как куранты бьют,
Поцелуй торопливый, обмен валют
— Хочешь попробовать, это — брют?
Через пару мгновений тебя убьют.

Ты встаешь с земли,
гимнастерка пропахла потом,
ничего, смотри:
это всего лишь работа,
выдыхаешь размазанным ртом:
чуть попозже, потом, потом.

К гимнастерке ситцевой
Голубой берет,
Солдатня присвистывает
Тебе вслед,

Солдатня притопывает
И гогочет громко,
По каким притонам он
Набирал массовку?!
Всё нормально, они
все ребята хорошие:
понаелись земли,
а работа грошева.
Дубль за дублем
падают и кричат,
где добудем мы
вам других солдат?
Спотыкаясь, валясь, заплетаясь,
в проводах, что ползут, извиваясь,
я на взводе уже, взрываюсь:
мы закончим хотя бы к утру?
Они воду льют в кобуру,
это просто кино про войну,
на чужом ничего не пойму,
и от боли почти задыхаюсь,
костюмер скачет прыткий как заяц,
кто-то сзади приносит лед,
это крохотный эпизод,
мы, похоже, успеем к утру,
но пока у тебя к курку
должен просто примерзнуть палец.

То ли дождь идет, то ли дым
По рукам плывет по твоим,
По запястьям, родинкам на плече,
По словам ja Kocham cie*.
Здесь набросали ломанных стульев,
От софитов жара, точно мы в июле,
Драматические коряги, жестяное ведро,
У меня, как пить, сломано ребро.
Сколько в бутафорских бродить лесах?
Всполохи ракет у тебя в глазах,
У тебя прививка на плече видна,
И никак в глазах не достать до дна,
До чего ж холодная там вода!
Из которого ты сделана ребра?
У меня с твоим именем не библейские ассоциации:
какой-то придурок, орущий его по рации,
двоюродная литовская тетка,
целующая меня в губы,
немецкое порно, ускоренная перемотка,
и дрожь, наполняющая трубы,
звнящая в проводах,
соленый дымок в приоткрытую форточку,
вода огуречная на рукавах,
и мальчик сидит у дороги на корточках,
и слышно как яблоки зреют в садах.
Снято, ребята, снято!

Точно бумажка смята,
Брошена в снежную слякоть.
Где мне теперь ее спрятать?
Долго ли колесить
В тонком, как плащ, такси?
Варшава Гданьска, приятель.
Всё, на сегодня хватит!
Она вытирает руки,
Она трет больное колено.
— Быстрее, мы ее простудим!
И я похищаю Еву.
[coda]
пообещай мне Еву
за эти дрожащие строчки,
за шепот этот неверный,
предательский этот почерк
на — каблучками острыми -
страницах изрешеченных,
просолены ее простыни,
и губы ее перчены,
короткое платье — хруст его,
прожилки на бедрах узких,
советские ее бусики
и ломанный ее русский,
и голос ее простужен
— а рифмы опять неточны -

очков прикусила дужку
и смотрит на эти строчки,
читает — и рот грустней —
как будто билет обратный,
и, слава Богу, что ей
одно только имя понятно.

СТИХОТВОРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПОЭТЕСС О ПОЛЬШЕ

Наталья Горбаневская

All I have is a voice...

W.H.Auden

Эти места,
где нигде не была я.
Холод холста
на закраине рая.
Ноты с листа
ненаверно играя,
глянешь в окно:
скушно, смешно.
Там в сентябре
ты проехал в телеге,
в пыльной жаре,
позабыв о ночлеге,
а на заре,
очутившись в побеге,
вынул смычок,
вывел крючок.

Это заря
наступает с востока,
шестизарядна,
шестидестиока,
значит, не зря
перестала до срока
скрипочка петь,
половица скрипеть.

Мария Ватутина

РЫНОК

По Варшаве, Варшаве, по чужой по державе
Снег. Морозно стоять.
Это значит: торговка, полу-дух, полукровка,
Обморожусь опять.
Дикий рыночек в центре, в нулевом километре.
Перестроечный гам.
Я припомню едва ли, чем мы там торговали,
Как мы выжили там...
Восемнадцать. Красотка. Рядом — наша высотка
Пиком застила свет.
Пан за паном смеется: — Почем панина доца?
Мать смеется в ответ.
Отвечает: недрого. Только я — недотрога,
Я зубами стучу,
Ною русские песни, наживаю болезни
И в Россию хочу.

У меня — ностальгия. Знаю, знаю, Россия —
Мерзлота еще та,
Но за Брестским зазором стала личным позором
Мне ее нищета.
Первый выводок рынка посреди поединка:
Предложение — спрос,
От икорки до водки, чтобы — польские шмотки,
Чтобы выжить всерьез.
Хохломская посуда, шали Павлопосада,
Всё сметали они.
На осине — Иуда. На России — засада.
В Польшу — больше ни-ни.

Ната Сучкова

ПОХИЩЕНИЕ ЕВЫ

Твердое, точно орех,
слово на чужом языке.
Стены в афишах — куда приклеишь?
Страшно услышать, что ты стареешь,
точно покрываешься черствой коркой,
польские журналы, актер, акторка,
это очевидно вот на этом повторе
и на этом поклоне.
Спит седовласая твоя Варшава,
руки твои, как и раньше, шершавы,
кто выпьет сладкой твоей отравы

из хрустального башмачка?
Где-то на заднем куранты бьют,
это, говорю, настоящий брют,
огненное абрау,
остальное ты по губам прочла,
как положено: слева направо.
в чем-то он прав твой второй режиссер:
тебе стоит коротко стричься,
у тебя подбородок так сладко остер,
грех прятать такое личико.
да и не спрячешь горящих глаз —
таких не бывает синих!
и не обнять тебя прямо сейчас
стоит немалых усилий
на поле дураков
один посреди ветров,
разве может он в такой час работать?
ты когда-то здесь обронила злотый,
самый первый раз посмотрев столицу,
и теперь тебе воздают сторицей:
золотой, умноженный во сто крат.
Слава Богу, мы нашли банкомат!
где же тут есть эта касса билетова?
первоянварское, зимово-летово,
следующий только минут через сорок
пани, поспешны! да, скорый, скорый!

разве тебя просто так упросишь
да и мой польский, о Боже, my Polish
поезд, летящий в Гданьск,
только украсть, украсть!

Я смотрю в монитор, вижу вены на шее,
Ты ползешь по земле, блиндажи, траншеи,
Одинокий солдат войска польска...

Я шепчу тебе: девочка, бойся!
Дотянись до воронки, спрячься за эту ветку,
Вытряхни воду из игрушечного пистолета,
Говорила, поедem в Гданьск этим летом,
Помни прошу об этом!

Не забывай, как куранты бьют,
Поцелуй торопливый, обмен валют
— Хочешь попробовать, это — брют?
Через пару мгновений тебя убьют.

Ты встаешь с земли,
гимнастерка пропахла потом,
ничего, смотри:
это всего лишь работа,
выдыхаешь размазанным ртом:
чуть попозже, потом, потом.

К гимнастерке ситцевой
Голубой берет,
Солдатня присвистывает
Тебе вслед,

Солдатня притопывает
И гогочет громко,
По каким притонам он
Набирал массовку?!
Всё нормально, они
все ребята хорошие:
понаелись земли,
а работа грошева.
Дубль за дублем
падают и кричат,
где добудем мы
вам других солдат?
Спотыкаясь, валясь, заплетаясь,
в проводах, что ползут, извиваясь,
я на взводе уже, взрываюсь:
мы закончим хотя бы к утру?
Они воду льют в кобуру,
это просто кино про войну,
на чужом ничего не пойму,
и от боли почти задыхаюсь,
костюмер скачет прыткий как заяц,
кто-то сзади приносит лед,
это крохотный эпизод,
мы, похоже, успеем к утру,
но пока у тебя к курку
должен просто примерзнуть палец.

То ли дождь идет, то ли дым
По рукам плывет по твоим,
По запястьям, родинкам на плече,
По словам ja Kocham cie*.
Здесь набросали ломанных стульев,
От софитов жара, точно мы в июле,
Драматические коряги, жестяное ведро,
У меня, как пить, сломано ребро.
Сколько в бутафорских бродить лесах?
Всполохи ракет у тебя в глазах,
У тебя прививка на плече видна,
И никак в глазах не достать до дна,
До чего ж холодная там вода!
Из которого ты сделана ребра?
У меня с твоим именем не библейские ассоциации:
какой-то придурок, орущий его по рации,
двоюродная литовская тетка,
целующая меня в губы,
немецкое порно, ускоренная перемотка,
и дрожь, наполняющая трубы,
звнящая в проводах,
соленый дымок в приоткрытую форточку,
вода огуречная на рукавах,
и мальчик сидит у дороги на корточках,
и слышно как яблоки зреют в садах.
Снято, ребята, снято!

Точно бумажка смята,
Брошена в снежную слякоть.
Где мне теперь ее спрятать?
Долго ли колесить
В тонком, как плащ, такси?
Варшава Гданьска, приятель.
Всё, на сегодня хватит!
Она вытирает руки,
Она трет больное колено.
— Быстрее, мы ее простудим!
И я похищаю Еву.

[coda]

пообещай мне Еву
за эти дрожащие строчки,
за шепот этот неверный,
предательский этот почерк
на — каблучками острыми -
страницах изрешеченных,
просолены ее простыни,
и губы ее перчены,
короткое платье — хруст его,
прожилки на бедрах узких,
советские ее бусики
и ломанный ее русский,
и голос ее простужен
— а рифмы опять неточны -

очков прикусила дужку
и смотрит на эти строчки,
читает — и рот грустней —
как будто билет обратный,
и, слава Богу, что ей
одно только имя понятно.

БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ ШЁПОТА

Часто писали о полемике Криницкого с «миром газеты». Почему он писал о газете? Почему издевался над телевизионными новостями? Да потому что мир, в котором мы жили, был кодифицирован своим пропагандистским образом: официальная запись была чем-то вроде обязательной рамки. Слова и заклатья приставали к реальности, облепляли ее, определяли ее форму. Жизнь была заклеена газетой, скрыта в ее нутре — язык газетных полос прятал правду жизни. Криницкий — наряду с Баранчаком, Загаевским и еще несколькими поэтами — продирался сквозь эти груды газетной бумаги, печатной лжи. Так я понимаю смысл его усилий: открыть и назвать вещи истинным словом; освободить свое восприятие, подвергнув язык ритуальной лжи испытанию собственным языком, жестко, хотя и иронично противопоставив оба языка. Приглядимся к этой встрече двух миров, двух языков:

*В то самое время, когда передовые животные
с образцово-показательного сельхозпредприятия
осматривали экскурсию наших выдающихся деятелей
искусства,
дружественные облака
нарушали воздушное пространство
нашего нового мира;
в то самое время, когда во всем мире
нашей планеты Фантасмагория начиналась разрядка,
художники ударно, в рабочее время и сверхурочно
закрашивали старые вывески,
а упругая, как щёки Будды, кожа старого мира
обвисала: границы великих держав искали
себе места,*

народы юга просыпались в полночь
и говорили, как сквозь сон, на новых языках;
в то время, когда было всё возможно,
большая глушилка гасила сигналы
погибших цивилизаций,
сирена скорой помощи
разрезала город на две неравные части,
в то самое время на мой подоконник,
который был лишь метафорой,
упала капля дождя
и исчезла, как неопознанный летающий объект, —
а я напрасно пытался растолковать уцелевшей команде,
в чём состоят различия нашего зрения,
слуха, осязания, вкуса и обоняния
(«Разрядка»)

Здесь и далее стихотворения Р. Криницкого — в переводе А. Базилевского.

Обратим внимание: поэт нашел ответ на свой главный вопрос. Это мы и хотели узнать: «в чём состоят различия нашего зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния».

Откуда взялась его способность к анализу? Ведь время этому, скорее, не способствовало. Конец шестидесятых — «конец прекрасной эпохи» моего поколения, время художественных и политических экспериментов, культурной революции в Китае и революционной риторики парижских леваков, «пражской весны» и студенческого протеста в Польше, который кончился кампанией ненависти, направленной против евреев и интеллигентов. «И мы на самом деле не знали», — написал спустя годы Рышард Криницкий о том периоде нашего «несентиментального воспитания». Мы на самом деле еще не знали, что жестокость, ненависть, наглая ложь — не просто категории доисторических времен, эпохи Гитлера и Сталина. Всё это, вся эта ненавистная ложь настигла нас во дворах

польских университетов и на улицах польских городов, она была вооружена резиновыми дубинками и мерзкими плевками газет. Палки действовали — как же они были эффективны в воспитательном смысле! А газеты мы начали жечь, скандируя: «Пресса лжёт». Так и осталось в памяти: газетная ложь, вооруженная аргументом полицейской дубинки. Тогда мы поняли тесную связь насилия и лжи. Дубинки и газеты избавили нас от остатков иллюзий. Мы утратили иллюзии и отбросили наивные надежды юности. У нас в памяти остались картины вторжения в Чехословакию, армии, стрелявшей в людей в декабре 1970 го, лица наших друзей, отправившихся в эмиграцию, и друзей, согнувших спину. Началась новая полоса воспитания: мы учились жить в безнадежности.

В мире, который желал считаться великолепно организованным, в мире, окруженном кордонами спецслужб и колючей проволоки, где люди страдали духовной клаустрофобией, поэт открывал великое пространство свободы. Наши сны — правду писал Збигнев Херберт — дольше всего сопротивлялись унижению. Сон был лабиринтом, а Поэт стал кем-то вроде проводника.

Любовь и чистилище. Этим мы были отмечены. Трудно рассказать об этой метке, которую мы носили с той же гордостью, как иные носят розетку ордена Почетного Легиона. Я познакомился с Рышардом Криницким в начале 70-х, после Большого Шока предшествующих лет. Было это — я помню — в Познани, на квартире Станислава Баранчака. Я возобновил учебу — экстерном — и учился по-новому думать об окружающем. За плечами у меня были исключение из университета, полтора года тюрьмы, два года работы на заводе сварщиком. Мы встречались в познанской квартире Ани и Сташека Баранчаков, ходили по улицам и кафешкам, говоря о политике и литературе. О политике, возможно, больше, зато о литературе — наверняка интересней всего.

Рышард и Станислав были уже известными поэтами, авторами поэтических книг. «Театр Восьмого Дня» подготовил целый спектакль по стихам Баранчака. «Одра» опубликовала знаменитое стихотворение Криницкого «Наш специальный корреспондент», где резко проявилось отношение поэта к коммунистической пропаганде и коммунистической действительности. Об этом уже много говорили в Польше.

Что отличало этих поэтов от множества их ровесников? Талант? Не только талант. Бунт? Бунт против действительности — естественная и частая формула поэтического дебюта.

Нередко бунт — способ заявить о себе на поэтическом рынке, метод достижения значительной позиции.

У Криницкого, Баранчака, Загаевского — всё иначе. Они изначально обрекли себя на резкое вмешательство цензуры, а потом даже их искалеченные цензурой книжки стихов уже не могли увидеть света. Поэты стали подписывать письма протеста против ограничения гражданских свобод, против репрессий, направленных на демократическую оппозицию. Стали публиковать свои произведения в подпольной печати, что ощутимо прибавило весомости этой печати. На официальном рынке их не существовало — они избрали небытие. Отказались от официального признания, от премий, присутствия на телевидении и на первых полосах литературной периодики. Поэты — быть может, сами того не зная — вырабатывали новый язык повествования о реальности. Именно благодаря им наше поколение — поколение 1968-го — могло объясняться на собственном языке. Мы перестали быть невольниками своих слов — обрели своеобразие и свободу.

Рысек говорил немного, внимательно слушал. Сташек тоже. Но за каждым их словом стояли глубокие размышления и интуитивные прозрения, на которые способны только поэты. Только поэт — я думаю — способен заглянуть реальности под кожу, в сплетения мозговых извилин, в глубины сердца. Поэзия — я убежден — есть род тайного знания, а стихотворение — реторта алхимика и телескоп.

Криницкий всегда был метафизическим поэтом: он искал Бога, внимательно вслушивался в голоса иного мира. Но весной 1977 г., на встрече поэтов в Клодске, именно он говорил о долге писателя своего поколения. Говорил языком поразительной — почти публицистической — простоты о значении «опыта, навязанного нам социальными и политическими процессами, столь существенно влияющего на наш индивидуальный опыт и личную ответственность, то есть на тот ответ, которого действительность требует от нас».

Он задавался вопросом: «Что я сделал, что мы сделали для того, чтобы открыть правду о себе, о нас, о времени, в котором нам выпало жить?» Говорил о совести и личной ответственности, о необходимости принять вызов, брошенный современными общественными процессами и политическими событиями. «Ответ, которого действительность требует от нас», он определял следующим образом: «...это — проблемы, которых не может обойти ни один поэт, осознающий, в какие времена он живет». Шанс он видел в том, чтобы говорить прямо, а не

только «историософскими аллюзиями и аллегориями». Предполагал: «быть может, наша поэзия слишком нетерпелива, так как хочет немедленной правды». И добавлял: «Стилевая индивидуальность новой поэзии состоит в том, что поэтическое высказывание насыщено сегодняшними реалиями порой до предела прочности стиха, а прежде всего в том, что новая поэзия не желает отождествляться с действующими механизмами порабощения, как с «естественными», языковыми, условно называемыми «языком газеты», так и с теми, которые позволяют «тоньше» манипулировать реальностью, препарировать ее для создания того, а не иного образа, соответствующего общественным потребностям».

Его интересовал результат этих процессов: «...созданный такими методами образ реальности — в известном смысле образ графоманский; сформулированный искаленным, раненым языком; он формирует еще более искаженное общественное сознание и индивидуальные позиции. Молодое поколение поэтов было вынуждено само себя воспитать, ибо его воспитатели были скомпрометированы и им нельзя было доверять, оно хотело найти себя в попытке выстроить новое сознание, новое символическое воображение, наконец — новую культуру». Итак, он считал своим долгом сопротивление «исковерканному языку и порабощенному сознанию». И еще один моральный мотив. Он полемизировал с мнением, что «шанс остаться в истории есть только у художников, которые в надлежащий момент сумеют отвернуться от действительности, от ее реалий. Те, кто осмелится отвернуться от действительности во времена величайшей угрозы человеческому достоинству, когда они через какое-то время вновь повернутся к ней, — могут обнаружить, что лица их друзей, тех, кто не спускал глаз с действительности и смотрел ей в глаза, что эти лица оплеваны».

Сознание того, о чем когда-то говорил Криницкий, было среди нас очень живо. Повторяю: мы были отмечены этим. Наша связь с политикой — важная и продуманная — была идейным выбором; ее исток не в увлечении властью или политической игрой; она не основывалась на вере в ценность парламентаризма или рыночной экономики.

У этого выбора был ясный нравственный и эстетический исток: несогласие с обычаем оплевывать людей, отказ участвовать в этой процедуре, солидарность с оплеванными. Плевки были хуже, чем дубинки. Люди плевали на людей со страниц газет, откуда сочилась ненависть. Знак того времени — скорее террор

плевков, чем террор дубинки; мы жили в оплеванном мире.
Поэт написал:

*Несчастливая газетка, тебе уже не вылечиться от
ненависти,
не лучше ли было тебе стать собакой,
ведь пёс, хоть и служит,
а всё-таки сам умеет лечить свои раны,
а ещё лучше — лисицей, которая даже ценой увечья
вырывается из капкана;
но ты, даже если ты лис или пёс,
предпочитаешь забытьё, спячку, прогрессивный паралич,
тебе нравится с пеной у рта добивать жертв,
заражать бешенством,
пресмыкаться перед карателями
и в одиночестве зализывать
незаживающую рану правды,
пряча её глубоко-глубоко,
как постыдную болезнь
(«Тебе уже не вылечиться от ненависти»)*

Так, бродя по улицам, наблюдая оплеванных людей, оружие
газеты и невинные хлопья снега, мы начали думать о Боге.
Веришь ли ты в Бога? — спрашивали себя многие из нас.

Станислав Баранчак говорит, что Криницкий — «поэт по сути
религиозный». Задумываясь о присутствующей в его
творчестве диалектике гордости и смирения, Баранчак
замечает, что «только на религиозной почве позиция
смирения и позиция гордости оказываются взаимно
непротиворечивыми. Мотивация смирения — вера: коль скоро
присутствие Бога отражено в делах этого мира, а каждое
стихотворение есть попытка выразить частный образ мира, то
поэзия являет собой форму призывания имени Божия (следует
ограничивать ее до необходимого минимума, дабы не

поминать имени Бога все). Но мотивация гордости — тоже в вере: коль скоро присутствие Бога в мире санкционирует нашу солидарность с ближними, а солидарность поэта выражается в слове, то роль поэзии, защитницы беззащитных, особенно ко многому обязывает (в частности, обязывает использовать слова так, чтоб каждое стихотворение становилось действенным орудием духовной самообороны, концентрированной порцией знания или видения, эквивалентом лозунга на стене, призыва из листовки, пословицы, анекдота, передаваемого из уст в уста, последнего крика перед казнью)».

Рышард Криницкий рассказывал Анне и Станиславу Баранчакам:

Скажу вам правду: иногда я верю
в существование потустороннего мира, верю в призраки,
в вампиров, высасывающих кровь и мозги,
впрочем, возможно, больше боюсь, чем верю
(бояться и верить — в наше время одно и то же).
Тогда я стараюсь не садиться спиной к двери,
ведь дверь живёт своей жизнью, скажу больше:
я стал суеверен, уже не говорю вслух о своих мечтах,
надеждах, чтоб не сглазить, избегаю
произносить слова, которые могут отомстить,
вычёркиваю их из старых стихов (впрочем,
не только я), не скрою, однако,
иногда я забываю о мерах предосторожности,
пью водку, люблю женщину, путешествую, читаю
мысли, поворачиваюсь спиной
к двери — которая живёт своей жизнью
и рано или поздно откроется,
и рано или поздно меня коснётся

ледяная рука — может, только подаст мне знак,
а может, без предупреждения стиснет сердце,
скажу правду: не верится мне, чтоб это была рука
Осипа Мандельштама или Георга Тракля,
или любого другого поэта, который, независимо от того,
человеческая или нечеловеческая смерть ему выпала,
всё ещё говорит с нами своими живыми словами.
(«Верю»)

Мы искали живых слов молитвы; этот поиск был
неотъемлемой частью нашего бунта.

Мы боялись за себя. В том-то и был смысл смирения:

Молюсь
убогими словами
о том, чтоб исчезли голод, увечья,
безвинные недуги и страдания;
но самое главное,
о, Всемогущее Начало,
что одарило нас свободой,
нам самим предоставив решать
все наши человеческие и нечеловеческие проблемы,
о, Всемогущий,
Чьё Имя
я не осмеливаюсь призвать,
лучше убей меня,
если когда-нибудь,
во имя какой угодно веры
мне предстоит убивать,

лиши меня дара речи,
если когда-нибудь,
во имя какой угодно правды
я захочу возвыситься.

(«Но самое главное»)

Мы боялись лжи, грома речей, безумия. Повторяли:

Спаси, уведи меня, верное странствие,
от лжи моей и нашей эпохи,
убереги меня, Ангел и Хранитель мой,
а ты води меня, Белое облако.

От грома в бурю храни меня,
чистой правдой меня освети.

Голубица, не прогляди меня,
посылая нам знак с высоты.

Прости мне, заря вечерняя,
не пронзай клинками дурного сна.

Не будь безумием, благословение,
разбуди меня, утренняя звезда.

(«Спаси, уведи меня...»)

Мы уже знали: для нас обязательны заповеди смирения и несогласия: смирения перед ценностями; несогласия на угнетение. Мы беззвучно повторяли, устремляя глаза к небу:

За умерших заживо,
не рождённых и не родившихся,
за братоубийц и самоубийц,
за рабов
и жертв насилия,

возвеличенных и униженных,
бедных и нищих,
за тех, кто забыт, и тех,
о ком мы не хотим помнить.

Помолимся

о человеческой смерти.

Об отмене смертной казни.

Помолимся не о победе:

помолимся о стойкости.

Дерзнём молить о том, чтоб Ты

приглядел за нами.

Просим Тебя:

будь,

услыши нас

и выслушай.

(«Помолимся»)

Были ли мы религиозны? Как ответить на этот вопрос сегодня, когда прилагательное «католический» или «христианский» становится эмблемой официального конформизма, трамплином жизненных карьер? Мы читали книги о поисках Бога, о ненависти к страху, о жертвенности и милосердии. Мы встречали людей, которые всерьез принимали верность Христу: в этом был императив надежды вопреки отчаянию, они вели смиренный, без самонадеянной спеси и казенной надменности, разговор о трансцендентном. А ведь мы интуитивно чувствовали, что дело может обернуться иначе. «С виду безобидным, — заметил Криницкий в 1971 г., — но эффективным оружием были в свое время различные религиозные идеи; до тех пор, пока религия, выйдя за рамки культуры, не стала орудием в руках манипуляторов, пока она сама не стала институцией, создающей собственные механизмы порабощения, произвола, террора и насилия». Наши слова, наше чтение, встречи и молитвы были исполнены серьезности и смирения. Были ли они предчувствием того, что

может случиться? Не знаю. Зато знаю, что мы не выносили псевдорелигии, которая освящала стадные инстинкты. Мы иронически замечали:

Если придется кричать:

«Да здравствует Польша!»

— на каком языке я должен это делать?

(«Если придется»)

Мы выбрали бунт и протест. В этом было мало общего с революционной утопией, как у наших западных ровесников. Это не был бунт во имя доктрины. Это был бунт во имя простейших ценностей, за право ставить элементарные вопросы. Бунт гордости и смирения. Ради свободы Польши и свободы каждого человека в Польше.

он плывёт сквозь наше время

и возмущённые сердца

из поколения в поколение

меняется команда: призраки

наших дел

из поколения в поколение

вспыхивает бунт

из-за паскудной кормёжки

и отравленных ложью идей

из поколения в поколение

тухлое мясо — наша еда

призраки питаются призраками

мясо команды становится хлебом насущным

броненосец «Потёмкин»

плывёт сквозь наше время

и ослепшие наши сердца

(Броненосец «Потёмкин»)

Наш патриотизм. Мы любили свою страну и свой язык. Но это была любовь, полная страха:

Ты моя единственная родина.

Ты моя единственная родина, молчание,

в котором —

все тщетные слова,

немые облака,

дыхание, взгляды,

почтовый голубь с письмом,

без вести пропавшим;

ты моя единственная родина, тишина,

кричащая

на мёртвых языках;

как погорелец,

который утратил всё, что могло сгореть,

как беглец,

пойманный в двух шагах от лагеря.

Хоть я уже не ребёнок

и не твой узник,

знаю, что даже в изгнании

останусь в тебе, речь,

а ты — во мне,

распухший язык: сердце,

которое держит меня в жизни до тех пор,

пока не

(«Ты»)

Мы боялись громких патриотических возгласов, даже когда они раздавались среди наших товарищей из подпольной «Солидарности». Мы говорили скорее так:

«Польша, Польша».

*И больше ничего? Два слова,
разделённые запятой
горя и боли.*

(«Больше ничего»)

Мы не хотели «сильной Польши»:

*Бедная, о чём ты мечтаешь,
о какой такой силе?
Неужели о ней должны свидетельствовать тюрьмы?
Ведь и в самой большой из них ты не спрячешься
от малейшей опасности.*

*Неужели силу твою должны обеспечить полиция и армия:
против кого ты пошлёшь их,
если не против себя?*

(«О чём ты мечтаешь?»)

Мы защищали разум от фанатичной глупости; защищали милосердие от слепой ненависти. Защищали сердце, которое бьётся в нас: бьёт тревогу и бьёт наотмашь. Мы уже знали, чего и кого следует опасаться: рабов, рвущихся к власти. И уже знали, что их и искать не надо.

*Не надо искать,
они сами найдутся, рабы,
готовые властвовать,
хотя власть над нами может иметь
только любовь
или смертельная болезнь.*

(«Не надо»)

Глядя на них и на реальный мир, в котором правили они, мы всё чаще умолкали. Мы уже разоблачили их природу, их язык. Уже освободились от внутренней и внешней цензуры, публикуя стихи, рассказы, эссе в наших подпольных журналах. Мы дожили до августа 1980 го, когда наши безумные и элитарные истины стали — как мы полагали — достоянием миллионов людей.

Я помню тот день: в Познани торжественное открытие памятника погибшим в 1956 году. Актеры проклятого театра, «Театра Восьмого Дня», читали стихи проклятых поэтов, в том числе Рыся Криницкого. «И мы на самом деле не знали...» В этом было некое воздаяние: казалось, оно увенчало усилия, но оно стало новым началом. Через несколько месяцев было введено военное положение. Тогда мы уже знали всё — до боли. Опять читали горькие некрологи и молились за убитых.

Палачам мы говорили так:

*Даже если вы уничтожите
все наши свидетельства,
то немые кольца деревьев
и наши немые кости расскажут,
в какие времена мы жили.*

(«Даже если вы уничтожите»)

Это был уже совсем другой язык. Прошло время споров о словах. И споров о значениях слов. Поэт отказался от полемики с газетой. Осталось немного: аскетичные формулы, прямая речь десяти заповедей. Криницкий писал:

*Я разочаровал кого-то, когда перестал заниматься
игрой слов, беспомощной мимикой
рабства.
Я слышал железный смех
и свинцовый смех. В гортани
рос комок немоты. Онемев,*

*я слышал немой смех,
в котором была только
боль.*

(«Не стихи, а признание»)

Кажется, Ян Блонский сказал, что стихи Криницкого — как выстрел в сердце. Я часто задумываюсь над причинами силы этой поэзии, такой хрупкой и столь эффективной в защите того, что хрупко. Помимо художественного совершенства, причины я нахожу в особой нравственной перспективе Криницкого. В его стихах я прочитываю удивительное и прекрасное сочетание героической этики Конрада с широкой метафизической перспективой. Поиск и соединение нравственной требовательности к себе с христианским милосердием к другим; сохранение статуса одиночества проклятого поэта, по-прежнему солидарного с поруганной и униженной общностью.

Станислав Баранчак в прекрасном эссе о Криницком говорит, что эта поэзия прошла путь от чрезмерности к аскетизму. Добавлю: она прошла также путь от сна к пробуждению, от посмертных скитаний к реальному вхождению в ворота тюрьмы, неустанно пребывая в диалектике одиночества и солидарности. Сон был чрезмерностью; пробуждение требует аскетизма. Для Рышарда Криницкого — поэта, который сопутствует нашим делам и разговорам несколько десятилетий — не менее важна решимость назвать угрозы — как внешние, так и внутренние. Проблема внешней и внутренней цензуры — это вопрос о форме существования. То, что снаружи, — призрак угнетателя-Левиафана:

*Как же тебя не бояться, наёмник гордыни;
разве ты сам не боишься, что ты — жертва
собственного трусливого произвола
и отсутствия воображения при избытке власти?
Ты сам знаешь лучше всего,
что ты делаешь: как знает тот,
кто под предлогом призыва на помощь
или оказания помощи*

коварно проникает в чужой дом,
чтоб окончательно его ограбить,
украсть остатки надежды, доверия, веры.
Так, боясь за себя — не боишься ли ты сам себя,
слуга небытия,
которое нас испытывает,
ждёт любого нашего промаха,
малейшего сомнения, тени неверия
в смысл нашего мира
и, хотя пользуется открытиями
человеческого разума, —
отбрасывает человечность на целые века назад.
(«Ты сам знаешь лучше всего»)

Но что такое человечность? Как она гибнет? Как выживает? Тут не ответит ни один из «наемников гордыни». На этот вопрос каждый отвечает сам, заглядывая в мрачные коридоры собственной души:

как возникает, в падении? падении
на колени? ослабевшие от испуга или смиренно
преклонённые? из прерванной фразы,
отдающей на милость — или оказавшей милость?
из доверчивой веры? недоверчивой верности?
как
и против кого,
против чего восстает,
против кого стихотворение? надежда?
страх воплощения?
(«Как возникает»)

Доверчивая вера, недоверчивая верность, гордость и смирение — вот судьба проклятого (поэта? мыслителя? человека?) в нашу эпоху. Это не идиллический образ судьбы человеческой. Это скорее довольно пессимистическая запись ситуации, в которой оказывается тот, кто не хочет бить челом и не хочет бить в лицо, если использовать образ из стихов Баранчака. Однако только так можно постигнуть правду и обрести ясность видения. Ибо что может человек?

«Что есть поэзия, если она не спасает / народы и людей?» — спрашивал Милош. А Криницкий отвечал:

Что есть поэзия, если она спасает?

Всего лишь имена, тени

людей и вещей?

Чем ещё она может быть, если не тревожным,

как биение смертного сердца, голосом,

который сильнее страха перед горем и смертью,

голосом

совести? которого народы и люди,

бесчеловечные войны и погромы

не могут ни убить ни

заглушить?

(«Сильнее страха»)

Мало это или много?

К нам прилетает белый голубь шёпота. Мы шепчем:

Не кричи сквозь сон. Не зови.

И не молись понапрасну.

Над городом до зари —

ночь. Светила погасли.

Кто жив, кого нет в помине —

утренней мгле известно.

Кого настигнут Эринии

— кого бесчестье.

Хватит заклятий кровью.

Поздно: звучит команда

к нападенью. Час пробил.

Они уже здесь, Кассандра.

Вот они, Кассандра, не плачь,

даже и надо мной.

В зареве встал палач.

Тьма над нами — стеной.

(«Элегия — ничья»).

Из книги А. Мухника „Wzynyania nawroconego dysydenta”, Zeszyty Literackie, 2003.

ЛЮБЛЮ ПОЛЯКОВ БЕЗ ВСЯКОЙ ПРИЧИНЫ

— Как так получилось, что сегодня ваши пьесы играют в театрах по всей Польше — от Варшавы до Щецина и Гданьска, от Ченстоховы до Вроцлава и Ольшева?

— Не знаю. Я ничего специально для этого не делаю, хотя подобная ситуация для меня радостна.

— Пожалуй, вряд ли возможно, чтобы это случилось само по себе. Существует много авторов, драматургов, но такой успех, такая театральная карьера требуют, пожалуй, массированного продвижения, раскрутки, какой-то большой рекламы, может быть, даже изрядного капитала, которым удастся заинтересовать бедные, в конечном итоге, театральные площадки.

— Не знаю, о чем вы говорите. Тут какая-то шутка. Я вообще этого не добивался, не хлопотал и даже не знаю, является ли здесь Польша каким-либо феноменом. Мои пьесы играют сегодня многими театрами в Германии, Англии и т.д.

Да и сделал ли я такую уж карьеру в Польше? Я ведь тут отнюдь не самый популярный автор. Где мне равняться с американскими или британскими драматургами?!

— Сделали. Достаточно подсчитать, сколько наши театры играют, например, Чехова, столпа русской классики, а сколько — Вырыпаева.

— Я не знаю никаких цифр и не в состоянии это сравнить. Я — современный автор. Процедура тут очень простая. Сначала я пишу пьесу, потом она печатается в каком-нибудь литературном журнале, потом переводится. Естественно, у меня есть в Польше свой агент, который заботится о моем творчестве, но непосредственно меня самого это не затрагивает. Скажу только, что я не видел в Польше ни одного спектакля по своей пьесе, — разумеется, кроме тех, где сам был режиссером.

— Вы пишете пьесы и ставите их в Польше. А фильмы?

— Фильмы я снимаю только в России. Сейчас мне предстоит снимать польско-российский фильм, это у меня первое такое

производство совместно с поляками. Могу лишь сказать, что действие происходит в Гималаях, в Тибете. В целом Польша мне нравится, благодаря людям.

Я НЕ ЧЕРПАЮ ИЗ ДОСТОЕВСКОГО

— Вернемся к героям ваших пьес. Многие из критиков видят в них проявления родства с творчеством Достоевского. После премьеры в варшавском театре «На Воле» пьесы «Июль», где рассказывается о жестоком убийце, в голову приходит сравнение с Раскольниковым из «Преступления и наказания».

— Я не черпаю из Достоевского. В «Июле» наличествует всего лишь определенный элемент православной духовности, присутствующий также у Федора Михайловича. Когда преступник начинает понимать, что согрешил, и признаётся себе в содеянном, он словно бы приближается к Богу, поднимается после падения, очищается. Такое понимание греха присуще русским авторам, хотя и не только русским. Но в России оно очень сильно.

— Почти в каждом романе Достоевского фигурирует какой-нибудь поляк, личность морально подозрительная, прохвост, подлец и плут. Более чем очевидно, что великий писатель не любил поляков. У вас с этим обстоит иначе.

— Да. Я люблю поляков. И вообще я стараюсь любить людей. Пытаюсь — всех. Здесь нет никакого конкретного повода или причины.

— Вы и женщин любите. Каков ваш идеал представительницы прекрасного пола?

— У меня нет никакого идеала женщины.

— А чего вы ждете от женщин? Что ищете в них?

— Ничего не жду и не ищу.

— Говорят, вы вроде как были уже четыре раза женаты — выходит, что-то вы, однако же, без устали ищете.

— Это неправда, что четыре. Прежде я был женат дважды, теперь моей третьей женой стала польская актриса Каролина Грушка.

— Каково ваше отношение к феминизму?

— Я им не занимался; в сущности, он не привлекал моего внимания.

— А паритет? Равноправный и равновозможный доступ женщин к мужским ролям и функциям? В пьесе «Июль» роль серийного убийцы вы поручили женщине — как раз Каролине Грушке. Намереваетесь ли вы для равновесия на роли мужчин назначать женщин?

— Это не так. Актриса в пьесе «Июль» не исполняет роль мужчины. Она всего лишь читает, произносит текст — от лица главной героини-женщины. В «Июле» главная героиня — женщина. В вопросе о назначении женщин на мужские роли и наоборот я придерживаюсь скорее консервативной позиции. Пускай уж лучше будет так, как оно есть. В жизни и в театре.

МОЯ ТЕРРИТОРИЯ

— Являются ли герои ваших пьес фигурами, в каком-то смысле подлинными, у которых имеются прототипы в реальной жизни?

— Нет. Мои пьесы никак не соотносятся с моей биографией, я не сообщаю в них ни того, что произошло со мною, ни вещей, которые где-либо услышал. До сей поры я также никогда не пользовался подлинными и реальными историями. За единственным исключением. В пьесе «Бытие №2», которая возникла на основе записей одной женщины, страдающей шизофренией, я исключительно соавтор текста. Следовательно, можно сказать, что изложение опирается тут на конкретную, реальную историю.

— Занимает ли Бог какое-то место в вашей жизни?

— Мне бы не хотелось говорить о вере, так как это все-таки тематика весьма интимная.

— Но в ваших пьесах, а также в известном в Польше фильме «Эйфория» жизнь героев показана с почти религиозным, обрядовым пафосом.

— Я не назвал бы этого религиозным. Меня более всего интересуют проблемы бытования, человеческого существования, и я показываю их свойственным мне способом.

— И это для вас важнее всего?

— Важнее всего для меня театр, так как здесь мой дом. Я считаю себя театральным драматургом и режиссером. Время от

времени мне доводится делать фильмы, на данный момент я снял два, но к киношникам я бы себя не относил. Моя территория — театр. Здесь я чувствую себя хорошо, хотя, естественно, не всегда и не всё удается, не всегда всё складывается благополучно, но здесь я живу. Когда я работаю над фильмом, то я как бы снимаю квартиру. А постоянно я как бы живу в театре.

— **Вы драматург, режиссер, но еще и актер.**

— По моей подготовке, образованию — да. Я также играл в нескольких своих пьесах в России и еще теперь появляюсь в одной из них, но настоящим актером себя не чувствую.

— **В театре важен язык. Каким вы пользуетесь в польском театре?**

— Я говорю так, как умею, на эдаком странном польско-русском языке; это своего рода «кашка», причем мне кажется, что по-польски я почти всё понимаю. Но в репетициях в театре участвует также и превосходный переводчик.

— **И вы интенсивно учитесь польскому?**

— И интенсивно я не учусь. Вообще на добросовестное обучение у меня нет времени, но я учусь мимоходом, между делом, потому что здесь работаю, живу, у меня жена-полька. Я стараюсь немного читать по-польски, хотя это пока дается труднее всего. Думаю, однако, что уже осенью буду говорить на польском в меру свободно.

— **Или, иначе говоря, станете поляком?**

— Нет. Я всегда буду русским. Это вытекает из ментальности, от которой я не избавился и не избавлюсь. Изменить ее не удастся. Хотя в сфере языка определенные процессы происходят, здесь я сделался таким ни поляком, ни русским, а каким-то новым созданием. Не очень давно я разговаривал в России с друзьями и заметил, как они взглянули на меня с удивлением: мол, о чем ты говоришь? Быть может, я уже употребляю отдельные слова или понятия, которых они не понимают.

СТЕРЕОТИП ПОЛЯКА, СТЕРЕОТИП РУССКОГО

— **А вы поляков понимаете? Эти наши исторические фобии и сны о могуществе?**

— Понимаю таким образом, что поляки, которые на протяжении многих лет жили в стране маленькой и непрерывно разрываемой — то одними, то другими, — чрезвычайно сильно переживают свою свободу и независимость, суверенность. И это — важное обстоятельство, фундамент польского менталитета, который простирается на всё, на жизнь людей в целом. Не хочу этого никоим образом оценивать. Просто мне понятно, что так вот оно есть. И понятно, что у русских менталитет иной.

— Поляки, русские — сколько же здесь существует стереотипов, отягощающих взаимные отношения. А про вас говорят, что вы боретесь со стереотипами — например, на тему русских.

— Не борюсь я со стереотипами. На мой взгляд, они в известной степени верны, поскольку основываются на какой-то вырванной частице правды. На Западе сформировался, к примеру, стереотип русского, который сорит деньгами. В общем и целом это ложное представление, потому что ведь те, кто победнее, никуда не выезжают, однако те, кого часто видят за границей, ведут себя именно так, как в этом стереотипе. Я был недавно в Ирландии, куда приехало много поляков. Там функционирует довольно малопривлекательный образ такого поляка, который напивается вдрызг. Естественно, не все поляки ведут себя подобным образом, но именно те, кого ирландцы запомнили, были ровно такими. Если бы в Ирландию выехало много чрезвычайно культурных, благовоспитанных, воздержанных поляков, то и стереотип сложился бы другим, хотя тоже поверхностным и отрывочным, неполным.

— Вы теперь работаете в варшавском Национальном театре над новой пьесой. О чем она будет?

— Это трудно рассказать. Представление будет называться «Танец Дели», но действие происходит вовсе не в Индии. В пьесе выступает шесть исполнителей — пять женщин и один мужчина. У нас превосходный актерский коллектив.

— Есть ли среди исполнительниц Каролина Грушка?

— Есть. Но выступают и другие актрисы — Агата Бузек, Беата Фудалей, Александра Юста, Камила Бар и актер Павел Попроцкий.

Беседу вел Бронислав Тумилович

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ВЫРЫПАЕВ (род. в Иркутске в 1974) — один из самых известных за границей современных русских драматургов. О нем говорится, что он занял место, которое во времена СССР принадлежало Владимиру Высоцкому. Пишет в среднем одну пьесу в два года. Его произведения исполняются в театрах по всей Европе. В Польше он сам поставил свою пьесу. Выпускник отделения «актер драматического театра» Иркутского театрального училища. Изучал также режиссуру на заочном отделении Высшего театрального училища им. Щукина в Москве. В 1998 основал в Иркутске театр-студию «Пространство игры», который пришлось ликвидировать из-за финансовых трудностей и неблагосклонности властей. С 2001 сотрудничает с московским Центром новой пьесы «Театр.doc». Международную известность ему принесла драма «Сны».

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

• Десятки статей в прессе, сотни писем и записей в блогах — давно уже ни одна из польских книг не вызывала столь горячей полемики и полярных оценок. Противоречивая биография Рышарда Капустинского «Капустинский non-fiction» разделила читателей на два лагеря. Автора книги, Артура Домославского, репортера «Газеты выборчей», одни обвиняют во всех тяжких грехах, другие же возносят на пьедестал как того, кто не пишет очередное житие, а раскрывает натяжки и фактические неточности в книгах Капустинского, доходит до истины, даже если она и неудобна. Линию раздела не так легко определить. Традиционное «левые — правые», «старые — молодые» «за и против люстрации» и т.п. в этом случае не работает. В числе сторонников книги Домославского такие фигуры, как Тереса Торанская, Даниэль Пассент, Анджей Стасюк и Зыгмунт Бауман. В лагере противников оказались, в частности, Стефан Братковский, Владислав Бартошевский, архиепископ Юзеф Жицинский, Агата Тушинская и Ремигиуш Гжеля. Дебаты идут на страницах «Газеты выборчей», журналисты которой тоже разделились. Критики книги Домославского считают, что огласка частной жизни автора «Императора» и показ его человеческих слабостей (женщины, конфликты с дочерью) ничему, кроме сенсационности, не служат. Сторонники же заявляют, что величия Капустинского от этого не убудет, оно лишь окажется подчеркнуто знанием его слабостей. Книга, что совсем не удивительно, особым образом затрагивает журналистскую среду. Выдающиеся репортеры — а многие из них считают себя учениками Капустинского — переносят дискуссию на другой уровень: задумываются над границами правды и вымысла в корреспонденции, ставят вопрос о дефиниции литературного репортажа. А также о том, какую цену платит журналист за политическую ангажированность.

• Отозвались и переводчики. Некоторые не собираются переводить книгу Домославского и не рекомендуют ее издателям в своих странах. Австрийский писатель Мартин Поллак (он перевел на немецкий с дюжину книг Капустинского) с беспокойством замечает, что в западной прессе появилось в последнее время много статей с нападками на автора «Футбольной войны», что под сомнение ставится достоверность его книг и даже появляются обвинения во лжи и мифотворчестве (например, по поводу его пресловутой дружбы

с Че Геварой — о чем сам Капустинский никогда не только не писал, но и не говорил). Такого рода материалы появляются даже в столь солидной газете, как «Зюддойче цайтунг». «Что за этим кроется? — спрашивает Мартин Поллак. — Нехватка старательности? Но это именно нам, австрийцам, все время ставят в вину (и правильно). Немец ничего не испортит, он точный, педантичный, аккуратный, добропорядочный и что там еще. Нет, здесь должно быть другое объяснение. Я думаю, что просто приходит время малых репортеров, которые долго были в тени, постоянно чувствуя, что их не замечают. Они долгие годы смотрели с завистью на великого коллегу, достигшего славы. Она им колола глаза. Но они относились к этому спокойно, никогда маэстро не критиковали, всегда встречали с милой улыбкой и заключали в объятия. Но всё изменилось, уже можно бранить знаменитого автора, попрекать его всеми ошибками, публично поносить. И за это им ничего не будет, потому что в их странах — в Германии, в Англии и где там еще — никто не проверит того, что они написали. Там еще не читали биографии, а вся информация идет из вторых и третьих рук. Домославский подкопал плотину. Лавина, которую он стронул, еще не раз нас накроет».

- В завершение темы — письмо одного из читателей «Газеты выборчей»: «Лично я пережил за неделю потрясающую метаморфозу. От установки „Разрешите же опубликовать биографию моего любимого писателя” до „Зачем Домославский ранит чувства семьи? Он, похоже, тронулся”». Книга «Капустинский non-fiction», вышедшая тиражом 45 тыс. экземпляров, распродана в течение нескольких дней. Издательство «Свят ксёнжки» заказало второй тираж на середину марта. Словом — успех.

- Премия вроцлавского ежемесячника «Одра» за 2009 год присуждена Магдалене Гроховской за книгу «Ежи Гедройц. В Польшу из сна», изданную «Святом ксёнжки». В решении жюри записано: «Это добросовестный и всесторонний портрет одной из важнейших фигур XX века на фоне споров, ведущихся в эмиграции и в стране о картине послевоенной Польши».

Магдалена Гроховская — в течение 14 лет журналист «Газеты дыборчей», лауреат «Grand Press» в категории «Газетный репортаж» (2005), автор сборника «Вырванные из молчания» (2005), представляющего портреты непокорных представителей интеллектуальной элиты ПНР. Комментируя премию своей коллеги, Магда Пекарская на страницах «Газеты выборчей» напоминает о помпезных некрологах, которые печатались после смерти редактора парижской «Культуры»:

«Тогда писали, что умер Визионер, Провидец, Патриот, Моральный Авторитет, Великий Поляк, Европейец. Гроховская не ставит под сомнение обоснованность этих определений, а вступает — с помощью своих героев — в очередную полемику с Гедройцем. Она не воздвигает ему памятник, а ставит вопрос о точности политических диагнозов, о позиции диктатора, который из Мезон-Лафита пытался руководить освобождением Польши от коммунистического ярма. Насколько это удалось? Ее Гедройц многомерен: он рассматривается с разных сторон, анализируется сквозь призму взглядов близких ему людей и взаимоотношений с ними. И одновременно остается большой, до конца не разгаданной загадкой».

В числе лауреатов премии «Одры» в прошлые годы были Станислав Лем, Тадеуш Ружевич, Тадеуш Конвицкий, Вислава Шимборская, Ольга Токарчук. Нынешняя награда стала третьей, присужденной за публицистику, — ранее ею были отмечены Ханна Краль и Рышард Капустинский. Премия журнала присуждается с 1962 года.

• В издательстве «Читательник» вышел второй том «Дневников» Ярослава Ивашкевича (1894–1980), охватывающий период с 1956 по 1963 год. Потрясающе! Автор «Хвалы и славы» много заметок посвятил политическим событиям, он горячо переживал «польский октябрь» (1956), напряженно следил за событиями в Венгрии, анализируя причины своей прежней политической ангажированности. Но его «Дневник» не утрачивает интимного характера. Большое место занимает в нем гомосексуальный союз писателя с Ежи Блешинским, молодым рабочим, больным туберкулезом.

«Эта любовь, в чем нет сомнения, во всяком случае со стороны Ивашкевича, эта большая любовь вписывается в модернистскую картину гомосексуальности как отверженности и порока, а вместе с тем прорыва к полноте жизни, — пишет в «Газете выборчей» Юлиуш Куркевич. — Ивашкевич в этом смысле идет вслед Томасу Манну. Оба героя этого романа не представляют себе жизни вне своих „нормальных“ семей, которые, в свою очередь, обо всем знают. Гомоэротизм Ивашкевича соткан из философии, образцового воплощения платоновского обмена: старший мужчина формирует „юношу“, который взамен дарит ему свою красоту».

Трагедия этой любви, закончившийся смертью Блешинского, нашла свое литературное отражение, в частности, в рассказах «Любовники из Мароны» и «Лесопилка». Дневник многое

говорит о чувствительности Ивашкевича, потребности в любви, о чувстве одиночества и болезненном переживании старости («Вся наша красота рассеялась по этой дороге, как песок»). А нас ждет третий том дневника — за 1964–1980 годы.

- «Amor Polonus» — такое латинское название носит выставка в музейном дворце в Вилянуве. Ее тема — история любви в Польше в разные эпохи. Авторы сосредоточились на трех аспектах любви: отношениях женщин и мужчин, семейных чувствах и любви к родине. Показаны, в частности, старые портреты (XVI–XVIII вв.), картины Яна Матейко и Яцека Мальчевского.

О запечатленной в искусстве любви говорит профессор Тереса Гжибковская, куратор выставки:

— Наша выставка показывает Марылю Верещанку и Мицкевича; какими бы ни были их отношения, именно Марыле поэт посвятил свои лучшие любовные стихи. Показана любовь Словацкого к матери, с которой он переписывался все 18 лет разлуки. Ни одна из женщин не занимала в его жизни такого большого места. Наполеон и Мария Валевская... Зыгмунт Красинский и Дельфина Потоцкая, которая также была музой Шопена. Ну, и жившая в начале XVII века семья — Станислав и Анна Освенцимы, с легендой их любви. О них писали пьесы, стихи, сняли фильм.

Мы показываем прекрасные ню польских художников — например эскиз «Экстаза» Подковинского, «Фрину» Гроттгера (пожалуй, первое ню в польском искусстве), «Эву» Панталеона Шиндлера, «Отдых» Войцеха Герцена. Кульминация выставки в Вилянуве — портрет королевы Марии Казимиры как Venus Genetrix — основательницы рода. Пламенная любовь к ней короля Яна III Собеского, столь жаждавшего основать династию, вошла в легенды.

Выставка работает с 23 марта по 15 августа.

- «Не платье красит человека», — говорит пословица. Однако одежда определяет и подчеркивает, кто мы, служит культурным знаком. Об этом говорит выставка «Платье» в познанском культурном центре «Замок». В ней принимают участие современные художники, такие, например, как Анна Баумгарт, Марта Дескур, Беата Эва Бялецкая.

Выставку открывает видео Збигнева Либеры «Как девочки красуются». Это символическое вступление, показывающее вхождение женщин в традиционные роли с самых молодых

лет. Платье для первого причастия, свадебные платья, а также бижутерия и красные лаковые шпильки — мы видим работы, представляющие женскую одежду в социальном и культурном контексте, в пространстве мифа и традиции. Выставка работает до 25 апреля.

- К радости поклонников оперы, варшавский Большой театр показал первую за несколько лет новую постановку Мариуша Трелинского — «Травиату» Джузеппе Верди (премьера 25 февраля). Возвращение оказалось удачным. О новом спектакле Трелинского говорили задолго до премьеры. Анонсировалось участие в нем двух польских певцов с мировым именем, звезд нью-йоркской «Метрополитен Оперы» Александра Кужака и Анджея Доббера. Вдобавок на сцене должны были появиться герои телевизионного «Танца со звездами». Как пишет Яцек Марчинский в «Жечпосполитой», премьера вернула в оперный спектакль истинную артистическую иерархию. Телевизионные знаменитости, к счастью, танцевали на заднем плане.

- Агамемнон и Польша? Именно так. Об «Орестее» Яниса Ксенакиса в Национальной опере (премьера 14 марта) рассказала нетипичная черно-белая афиша, представляющая руины уничтоженного войной города и коляску с маленькой девочкой. «На фотографии — моя мама, снимок сделал дедушка, а фон — Варшава 1947 года», — говорит режиссер спектакля Михал Задара, лауреат премии газеты «Политика» за 2008 год. Это его дебют в опере и одновременно первая постановка произведения греческого композитора в Польше.

«Орестея» в постановке Задары — это метафора судеб Польши.

— «Орестея» должна показать истоки нашей политической принадлежности. Удивительным образом этот исток совпадает с истоком афинской демократии, как его показывает Эсхил: государство выходит из большой войны, которую вроде бы выиграло, но она привела к гибели всей страны. После нее наступил период жестоких убийств и предательства, а затем мы отказались от права отмщения палачам, чтобы жить в благополучии и спокойствии. В случае Афин это Троянская война, в случае Польши — это Вторая Мировая, — говорит режиссер. — «Орестея» — это всегда основополагающий миф данного общества. В спектакле мы хотим представить основополагающий миф современной Польши, которым стал период от начала ПНР до времен Эдварда Герека. Польша тогда перешла от дискурса сильно идеологизированного, политического, исторического к дискурсу постполитическому, представленному мнением, что идеология уже ни к чему, а всё дело только в обеспеченной жизни граждан, чтобы у всех всё

было хорошо, а собственные взгляды уже не важны. Сегодня как раз такая политика, и «Орестея» кое-что говорит о том, как мы к этому пришли, — объясняет Михал Задара.

• Помогла ли рок-музыка свержению коммунизма в Польше? Вот один из вопросов, которые поставлены в интересной документальной ленте «Beats of Freedom — Зов свободы», вышедшей на экраны 12 марта. Режиссеры — Лешек Гноинский и Войцех Слота. Сценарист — Крис Салевич, английский музыкальный журналист польского происхождения. Именно он ведет разговор с музыкантами, вспоминающими проблемы с цензурой, с выступлениями, с внедрением агентов ГБ, которые стремились контролировать отечественную рок-сцену. А она вызывала серьезное беспокойство властей, ибо артисты пропагандировали нежелательные тогда ценности — свободу и независимость. В фильме мы видим главные легенды польского рока 1980-х — в частности, «Maanam», «Perfect», «Republika», «Aya RL», «Бригаду Кризис». Много места уделяется фестивалю в Яроцине, своеобразному анклаву свободы, и невероятно популярному хит-параду Марека Недзвецкого на третьей программе радио.

— Глядя фильм, я словно увидел себя 25 лет назад. Это приятное воспоминание, несмотря на всё то зло, которое творилось вокруг. Мы сумели найти для себя нишу. Музыка позволила нам пережить эти тяжелые времена, — сказал во время премьеры Марек Недзвецкий.

А Павел Моссаковский пишет в «Газете wyborчей»: «„Зов свободы“ — это ностальгическое путешествие в прошлое; в информационном смысле я не получил ничего для себя нового, но и не я ведь главный адресат фильма, а зарубежный зритель. Всё же молодые люди в Польше должны его посмотреть, — честно говоря, когда речь идет о новейшей истории, о ПНР и так далее, мы сами как иностранцы».

Намного более молодой автор, Яцек Цесляк из «Жечпосполитой», оценивает архивный киноматериал: «Поразительное впечатление производят кадры варшавского концерта „Rolling Stones“. Шел 1967 год, правил Гомулка, а в зале, где проходили съезды ПОРП, танцевал Мик Джаггер, играл Кит Ричардс. Вроде бы мы это видели сотню раз. Однако ценность фильма состоит в том, что в нем на первом плане показаны вещи, которые обычно пропускают, — фанатов в зале, их танцы и одержимость, а также торжество молодости в Зале съездов. В результате на кадрах из социалистической Варшавы мы видим сцены, похожие на те, которые имели

место в Лондоне, Ливерпуле, Манчестере. Молодые поляки развлекались так же, как их британские ровесники».

Тезис, что рок создавал в коммунистические времена пространство свободы, получил подтверждение. Причем увлекательное, хотя минутами несколько топорное.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Культурная пресса гудит, как никогда ранее. Нет издания, которое не занялось бы комментированием книги Артура Домославского «Капустинский non-fiction». И здесь несколько аспектов. Прежде всего дело в том, что пересматривается сложившийся образ самого Рышарда Капустинского, репортера и поэта, чьи книги снискали мировую известность, которого к концу его жизни считали одним из главных польских кандидатов на Нобелевскую премию по литературе.

Артур Домославский, многолетний репортер «Газеты выборчей», подчеркивающий свою дружбу с автором «Империи» и «Путешествия с Геродотом» и, несомненно, один из его учеников, направился по дорогам жизни и творчества своего героя, решив написать о нем, как замечает один из заголовков рецензий, «без наркоза»: в биографии открываются как секреты ремесла Капустинского, так и сфера частной, интимной жизни. Оказывается, не всё, что описывал Капустинский, находит полное отражение в фактах, но в связи с этим возникает вопрос о границах между репортажем и литературным вымыслом. Домославский коснулся также одной из болезненных современных проблем, связанных с переоценкой фигур периода ПНР, а именно: сотрудничества с госбезопасностью. Известно, что в реалиях «реального социализма» за удовольствие быть заграничным корреспондентом приходилось заплатить таким сотрудничеством, и это подтверждают биографии подавляющего большинства «выездных» международных.

Дискуссия вокруг книги Домославского будет, наверное, продолжаться и в будущем, так как касается она не только самого писателя, но и главного вопроса: как писать подобные работы, каковы пределы вторжения биографа в жизнь его героя. В статье «Дело Рышарда К.» на страницах «Газеты выборчей» (№ 49/2010) Марек Бейлин пишет:

«В этой биографии Рышарда Капустинского автор мечется между почтением к своему герою и ниспровержением, между симпатией к ряду его поступков и нахождением низменных мотивов в некоторых ситуациях выбора. (...) На одних

страницах мы читаем биографию Рышарда Капустинского, на других — протокол следствия по делу Рышарда К.».

И далее, после подробного анализа претензий, которые Домославский предъявляет Капустинскому:

«Имеет ли право репортер приукрасить действительность? Спор по этому поводу ведется и в книге, и в жизни. (...) Мы всегда выбираем выражения, поступки, события. Отбор — всегда деформация. Быть может, самое главное — это намерение: идет ли речь о стремлении к правде, как ты ее понимаешь в ее сложности и, случается, неоднозначности, или всё это эффекты, служащие карьере репортера».

И, наконец, о частной сфере:

«Я ищу слова, чтобы не обидеть Домославского (...) и вместе с тем выразить возмущение. Ибо Домославский покусился на достоинство живущих ныне людей во имя сенсации. Я имею в виду разоблаченные романы Капустинского, его интимные разговоры с женщинами, многолетний треугольник. (...) И думаю, что эти люди, как и сам Капустинский, не заслужили того, чтобы извлекать на свет столь личные вещи».

Что ж, Бейлин здесь выступает как адвокат, но, строго говоря, неясно, кого он представляет: если самого Капустинского, то это ни к чему, потому что писатель защищает себя сам; если «достоинство живущих», то это самозванство (впрочем, известно, что вдова писателя подала в суд на биографа); если же, наконец, читателей, которых может травмировать неприукрашенный портрет автора «Шехиншаха», то критик занял явно не ту позицию, потому что таких читателей Капустинский не заслуживает: настоящий читатель предпочтет, безусловно, образ человека из плоти и крови, а не героя детских книжек.

Несколько по-иному подходит Адам Лещинский в статье «Если репортер играет нечестно», опубликованной в том же номере газеты. Автор, воздав сперва Капустинскому дань своей личной признательности, подчеркивает:

«Меня мало интересуют подробности личной жизни писателя. Я не обо всем обязан знать, но меня не задевает, что это оказалось в книге. (...) Не возмущает меня и описание, как великий репортер искал свой путь (...) в рамках партийных проектов. Он долго считал ПНР своей страной. (...) Не трогает меня и история его вовлеченности в сталинизм: ему было 20

лет, а многие в этом возрасте делают то, о чем потом предпочитают не вспоминать».

Проблема в другом:

«Домославский первым открыл лабораторию писателя. После скрупулезного исследования он обнаружил в книгах недостоверности и выдумку — или, иначе сказать, литературный вымысел. Показал, каким образом Капустинский смешивал правду с вымыслом. В этом несомненная ценность данной биографии. (...) Капустинскому, как показывает Домославский, случалось разминуться с действительностью на трех уровнях. Первый — это банальные факты. (...) Фактические ошибки бывают у каждого. („Беспокоит, однако, масштаб — слишком большие, слишком частые“, — замечает Домославский, когда речь идет о биографии одного боливийского политического деятеля и журналиста, которую Капустинский, если верить энциклопедиям и семье, частично приукрасил, частично выдумал)».

Примеров больше, и они основательно, документально представлены у Домославского. Но есть и другой уровень, на котором Капустинскому случается «разминуться с действительностью»:

«Более интересно, каким образом он подчинял действительность логике развития повествования. (...) В главе „Черного дерева“ (...) посвященной кровавому диктатору Уганды Иди Амину, есть сцена, в которой рыбаки вытягивают из озера Виктория огромных, упитанных рыб. Капустинский: „В этом озере раньше не водились такие откормленные, жирные рыбы. И все знали, что палачи Амина уже долгое время бросают в озеро тела своих жертв. И ими питаются крокодилы и плотоядные рыбы“. Прекрасный образ! Домославский выяснил, как было на самом деле. В 1950-х британцы выпустили в озеро Виктория нильского окуня, который, в отсутствии естественных врагов, смог разрастись до невероятных размеров, пожирая мелких рыб. На людских трупах — даже многих — он бы так не разжирел».

И далее:

«Третьим уровнем литературного вымысла у Капустинского было создание легенды, окружающей имя автора. Часто, как убеждает Домославский, недостоверной».

Наконец, вывод:

«Из биографии Капустинского (...) следует очевидная мораль: ясными и точно очерченными должны быть границы, до которых может дойти репортер, когда заталкивает действительность в рамки своего литературного видения».

Своего рода ответом на высказанные сомнения стала статья Анджея Стасюка под заголовком «Даже если бы все это выдумал», напечатанная в следующем номере газеты (2010, №51). Он пишет:

«Ну, разумеется. А как у него было? Он привлекал нас правдой своих корреспонденций или также своим литературным мастерством? Заинтересовала бы нас правда, поданная неуклюже, скучно, претенциозно, повлияла бы на наш образ мыслей? (...) Что до меня, то я, пожалуй, всегда читал ради самого чтения. Ради удовольствия. Ради фраз, абзацев, фрагментов — и ради историй, которые он умел сплести из деталей, из мгновенных наблюдений, из крох. А было ли это правдой? Была ли это действительность один к одному, как в полицейском рапорте? Меня это совершенно не занимало. (...) Писатель — это обманщик, хотя самому ему может казаться, что он пишет правду. Пишет всегда по собственным причинам, а не во имя истины. (...) У Капустинского, как у каждого из нас, была своя правда. Об Африке, о Южной Америке, о бедных и богатых, о жизни. Он делал всё, чтобы убедить нас в своей правоте. Но одновременно читатель имеет полное право не верить ни единому слову автора. Или верить частично, беря у автора то, что самим нам нужно в наших отношениях с миром. Можно верить абсолютно — но это наихудший выход. И в „Капустинском non-fiction” для меня самое захватывающее — это то, как возникает писательская картина, как вымысел смешивается с реальностью, а потом выходит из писательской головы в мир — и этот мир как-то меняется».

Затем Стасюк дает оценку книге Домославского:

«Это прекрасная книга, ибо, представляя историю замечательного репортера, она одновременно демонстрирует историю наших травм и комплексов. Показывает, насколько мы не готовы к встрече с действительностью, которая не обязательно отвечает нашим ожиданиям. Показывает, как сильно мы привязаны к нашим благородным мечтаниям, и одновременно нашу детскую беспомощность перед более сложной, нежели наши наивные представления, картиной».

И далее:

«Рышард Капустинский хотел стал знаменитым. Он, мальчик из болотного Пинска, добился мировой славы. (...) А слава затягивает, ее всегда мало, ибо неизвестно, где слава заканчивается, и теоретически она может разрастаться до бесконечности. В нынешние времена слава дает много, особенно пареньку из Пинска. Слава открывает ему весь мир. Но не задаром. Слава требует своего. Она дает тебе многое — и многого хочет взамен. (...) Если ты очень известен, то известной становится вся твоя жизнь, а не только ее избранные фрагменты. Этого не могут усвоить защитники воображаемой чести писателя. Греясь в лучах его славы (...) они по наивности показывают, что не понимают механизмов явления. Книга Артура Домославского рисует глубокий, многомерный, притягательный образ писателя и человека. Только на фоне слабостей, на фоне компромиссов и падений видно истинное величие. Герой без упрека — герой для детей. Если мы осознанно предпочитаем его реальной фигуре, мы оглушаем сами себя, оболваниваем нашу коллективную память. Капустинский был как Польша — раздерганный, идущий на компромиссы, наверняка напуганный, наверняка эгоистичный, но одновременно полный сил и решительности. (...) „Капустинский non-fiction“ открывает поле для дискуссии о нашем сознании. (...) Наше сознание живет где-то в XIX веке, когда можно было еще различать частную и публичную жизнь. Мы не осознали еще брошенного мимоходом пророчества Энди Уорхола о том, что наступили времена, когда каждый, хотя бы на пять минут, будет знаменитым. То есть публичным, общедоступным. Только вот слава не всегда будет связана с нашими достижениями. Часто она будет явлением чисто механическим, управляемым собственными, многим непонятными законами».

Дискуссия тем временем разрастается как снежный ком. Очередная статья на страницах «Газеты wyborczej» (№ 53/2010) — «Эта биография нам поможет» Яцека Жаковского. Уже с самого начала автор обращает внимание на несколько иной, чем другие участники дискуссии, аспект:

«Мы не готовы к этой книге. Ибо о серьезных вещах, с которыми столкнул нас Артур, давно не говорили всерьез. Сейчас, когда „Капустинский non-fiction“ у нас в руках, мы беспомощны. У нас нет интеллектуальных инструментов, чтобы с ней совладать. Кардинал Вышинский умер 30 лет назад, но до сих пор нет достойной биографической книги. Иоанн Павел II умер пять лет назад. Опубликованы его биографии на английском, немецком, итальянском. По-польски — агиография и приторные воспоминания. Скоро шесть лет, как

умер Яцек Куронь. И ничего нет. В лучшем случае переиздания. Пантеон польских колоссов XX века ждет, чтобы кто-то осмелился изучить, обдумать и добросовестно описать их опыт. (...) Разве для европейского народа это не признак культурного регресса? И вот на эту грудку угрызений совести по поводу ненаписанных биографий наших великих — умерших и живых — восходит Артур со своей необычайной книгой. Необычайная — не значит хорошая. Или плохая. Чтобы оценить, нужно книгу сравнить с культурным стандартом. А его у нас нет. (...) Когда нет прецедента и инструментов описания, дискуссию заменяют выкрики. Одни возмущены. Другие восхищены. (...) Что же такое сидит в нас, что мы не можем всерьез подступить к современным великим и к их опыту? Мы создали прикладной стандарт биографии. Или «за», или «против». Описывается величие. Или обнажается ничтожество. (...) Но люди не однозначны. И Домославский даже не пробует однозначность искать. Мы ее сами находим, по привычке».

«Капустинский non-fiction» становится в статье Жаковского исходным пунктом для ряда существенных вопросов, касающихся интеллектуального состояния польской элиты:

«Почему мы все еще не можем нормально разговаривать о прошлом? Нельзя всё отдать пристрастным, поверхностным биографам. Проблема Домославского и Капустинского проистекает из бесплодности наших двадцатилетних дебатов, которые немного прояснили, но зато нацепили на наше мышление намордник фальшивого языка и искаженных картин прошлого. (...) А поэтому мы до сих пор вязнем в примитивном разделении: зло — добро, великий — ничтожный. Главная претензия к Домославскому в том, что он провел деконструкцию мастера. Что обнародовал факты, которые считаются (справедливо или несправедливо) компрометирующими. Показал изъяны в статуе Короля Репортажа. (...) Раз их раньше не видели, можно бы резонно считать, что добрый Бог среди миллиардов грешных создал одного безгрешного. А разве греховностью зачеркивается величие? По стандартам инфантилизма, которые мы создали в Польше, ответ на оба вопроса положительный. Публичная фигура — это сапер. Одна ошибка разрывает его образ в клочья. Домославский с этим не согласен. Он находит ошибки, взвешивает, критикует, но не отказывает Капустинскому в величии. А это неприемлемо в обязывающем дискурсе».

Думаю, что голосов в этой дискуссии будет еще прибывать. Книга Домославского, пусть местами вызывающая раздражение, особенно там, где автор вторгается на

территорию интимной жизни (хотя, с другой стороны, это тоже важно, ибо рисует нам Капустинского человеком, любящим жизнь), стала — или, точнее сказать, становится важным элементом дискуссии о нас самих. Мне ближе всего ее прочтение Стасюком. Что касается Жаковского, у меня одно замечание: назвать разделение на добро и зло примитивным, хотя я понимаю, что имеется в виду, — это, как минимум, передержка. И в заключение: во многих рецензиях на книгу Домославского содержится вопрос: как бы сам Капустинский мог к ней отнестись? Вряд ли здесь можно дать убедительный ответ. Но вот что кажется мне почти определенным: Капустинский, безусловно, был бы рад дискуссии, которую книга породила.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ

Богдан Борусевич, в прошлом диссидент, ныне маршал Сената. Муж Алины Пенковской: — Алина хотела услышать от врачей, каково на самом деле её положение, чтобы она смогла подготовиться.

Анна Крисицкая: — Она была умным человеком, прекрасно понимала, что ее пожирает рак, ибо он пожирал ее тело, пожирал всю ее. Но он не мог уничтожить ее дух. Она была такой невероятно сильной, просто таких людей не бывает...

Себастьян Пеньковский: — В те дни перед самой смертью она была очень спокойна, словно примирилась с этим. Нам было очень страшно, а мама была само спокойствие. В ней ощущалось какое-то внутреннее одиночество, как это бывает у каждого человека. Нам хотелось как-то помочь ей в этом одиночестве, но она по-прежнему оставалась в своем мире, в этом одиночестве, и никому не было туда доступа.

Хелена Лучиво: — На ее похоронах собралась огромная масса людей; когда мы туда шли, множество людей ее вспоминали. Она делала много такого, о чем я не знала. Наверняка она помогала очень многим людям. Она была той личностью, которая останется в памяти...

Богдан Борусевич: — В 1978 г. Алина пришла ко мне по возвращении из Лондона, где была у дяди. Там ей на глаза попала перепечатка из «Роботника» («Рабочий» — подпольный журнал конца 70 х. — Ред.), и она нашла мой адрес, записала его. По возвращении она постаралась со мной связаться. Я был несколько обеспокоен, ведь у меня в тот момент находилась группа студентов. Я сформировал такую группу для самообразования, мы как раз дискутировали, и вот я вижу — стоит невысокая девушка, щупленькая, она выглядела как школьница старших классов. Я пригласил ее войти, а она каким-то беспомощным жестом вдруг протягивает мне удостоверение личности. Я рассмеялся и сказал: тут никто ни у кого документов не спрашивает. Мы договорились встретиться в другое время, ибо в тот момент не было возможности поговорить; но я сразу понял, что для меня это весьма интересная находка. Я узнал, что она работает в поликлинике Гданьской судоверфи. На следующей неделе я пригласил ее на встречу, организованную группой рабочих; мы вышли из помещения, чтобы поговорить, так как опасались

прослушки. Я заметил, что за нами следят, это был один из первых таких случаев, и это было неприятно. Нам хотелось уйти от слежки, и мы отправились в лес. В какой-то момент я увидел, что Алина на шпильках, такие были у нее чудесные туфельки красного цвета, и одета она была в красное платье. Я еще тогда подумал: что ж ты, девушка, идешь на встречу и одеваешься так, что тебя за два километра видно.

Тадеуш Пабиян: — Как-то меня агитировали вступить в СПМ [Союз польской молодежи, польский комсомол], а я поехал в отпуск, чтобы спросить совета у отца, отец мой до войны был членом крестьянской партии. Отец и говорит: знаешь, СПМ и ПОРП — это одно и то же. Ты, конечно, как хочешь, но как-то странно получается: отец — принадлежит к одному направлению, а сын — к другому. Политика в ней — это по наследству от дедушки.

Хелена Пабиян: — Вечно слышно было стук машины. Листовки печатали.

Тадеуш Пабиян: — Еще когда был жив ее муж Петр, печатали листовки.

Роман Пабиян: — Когда в 1976 или в 1977 году Алина начала свою деятельность, тут и пошли первые обыски, налеты на наш дом; я тогда не понимал, как это можно всю свою жизнь поставить на карту и бороться, мне тогда казалось, что эта борьба не имеет смысла.

Себастьян Пенковский: — Я понимал, какие люди к нам приходят, и не уроки делал, а больше подслушивал. Конечно, мне было страшно, были и свои обиды, когда, например, однажды проводили обыск и поломали все мои кубики, они и в кубиках что-то искали, а я их так красиво сложил. Так жалко, такая несправедливость и чувство бессилия. Многие знакомые мамы после моего рождения хотели, чтобы меня отдали в детский дом, а мама категорически не соглашалась. Несмотря на то, что зарплаты медсестры, которую она получала, хватало всего лишь на оплату комнаты, кстати, очень холодной, да детсада. Жили мы в довольно трудных условиях, ведь в этой квартире жило много народу, то есть бабушка, дедушка, дядя, ну и мама с папой, который тогда еще был жив. Перед сном мама всегда читала мне сказки, а потом делала мне из пеленки смешного зайчика. В тот момент, когда я уже засыпал, она, выходя на кухню, подкладывала мне этого зайчика, чтобы я быстрее засыпал.

Халина Пабиян: — Когда она поздно возвращалась, мы всегда очень нервничали, возмущались, кричали: зачем и где она так поздно ходит, что она делает, ведь ее посадят или вывезут куда-нибудь. Мы очень боялись, я в этом смысле была большим трусом. А она говорит: «Если бы все были такими трусами, мама, как ты, то мы бы все погибли».

Тадеуш Пабиян: — И с Богданом я тоже ссорился: «Оставь ее в покое, пусть она квартиру получит, а там делайте, что хотите, когда она отсюда съедет».

Богдан Борусевич: — Родители Алины были решительно против ее деятельности. Просто прогоняли нас от дверей, не пускали в квартиру вообще. Ну и отец говорил на повышенных тонах, устраивая мне скандалы: «Прошу вас сюда не приходить, у нее ребенок, о чем вы думаете». Когда отец в очередной раз начал меня выгонять, я подумал: ну, сейчас-то я его огорошу. И говорю ему: «Знаете, я ведь прихожу потому, что ваша дочь мне нравится». Когда у нас была очередная встреча где-то на краю леса, а она опять пришла в своем красном платье и в этих туфлях на высоких шпильках, то я поднял ее на руки и в тот же миг почувствовал, что она мне нравится. Я в ней увидел тогда не соратницу, а женщину.

Кшиштоф Вышковский: — Это было лето 1978 го, к нам тогда пришли несколько человек, которые впоследствии составили тот самый прочный и надежный костяк Свободных профсоюзов: Валенса, Анна Валентинович и в том числе эта крошка, эта худенькая и невероятно нежная девчушка, беззащитная Алинка.

Лех Валенса: — Мы тогда были настолько солидарны, что, пожалуй, были даже больше сплочены и лучше знали друг друга, чем это бывает в семьях. Группа была небольшая, но очень солидарная, ведь затеянная нами игра была очень рискованной, могла и смерть подстергать, каждый должен был полагаться на другого, надо было это формировать — и смелость, и рассудительность, и настоящую солидарность. А условия были сложные, то органы, то агенты, то опасности. Надо было действовать спокойно, с помощью аргументов, самоотдачи, истинной солидарности, и все это имела в своем характере Алинка Пенковская.

Яцек Тайлор: — Независимый профсоюз существовал и действовал, мне тоже очень хотелось, и мне это удалось, стать настоящим их помощником. Я же был практикующим адвокатом, и началось с того, что Анджею Гвязде стали инкриминировать какое-то нелепое, но уголовное дело, и это

позволило мне начать с ними дружить: я стал защитником Анджея и с Алиной тоже подружился. В Алине одновременно сочетались робость и решительность.

Кшиштоф Вышковский: — Люди, которые берутся за политическую деятельность, прямо скажем, деятельность революционную, против тоталитарной системы, это должны быть люди твердые. Это должны быть люди, у которых есть глубокое внутреннее убеждение, что стоит рисковать положением — семейным, личным и профессиональным — ради этой цели, ради этой борьбы. Алина совершенно точно не была похожа на человека, который отдает себе в этом отчет и способна на такое чудовищное усилие. Такой она казалась, но по существу это была девушка с волей, твердой как алмаз, невероятно внутренне твердая, которую невозможно было склонить к тому, с чем она не была согласна. Она всегда была внутренне абсолютно суверенна.

Хелена Лучиво: — Мне было любопытно, как она отважилась участвовать в этом. Это же грозило увольнением с работы. Да и для детей это было довольно трудно, постоянные обыски, такой страх. Были и задержания. Помню, я спрашивала ее, как она на это решилась, а она как-то очень просто объяснила это моральными соображениями, теперь это может прозвучать смешно.

Хелена Пабиян: — Я была на исповеди у приходского священника. «Скажите отче, что мне делать, если дочь в какой-то профсоюз впуталась? Какой-то КОР, еще как-то там». Что мне делать? А он говорит: «Молись, что она такая смелая».

Богдан Лис: — Я познакомился с Алиной в 78 м году, не как с деятелем независимых профсоюзов, а как с медсестрой, она работала тогда в стоматологическом кабинете. Потом мы работали с ней на одном и том же предприятии, она — медработником, а я как обычный работник. Потом мы не раз общались с Алиной в рамках Свободных профсоюзов. Трудно было поверить, что такая молодая, небольшого роста женщина имеет в себе столько сил, столько решимости, чтобы рисковать и собственной свободой, и собственным здоровьем, и здоровьем своей семьи, ведь у нее был маленький ребенок. Она была необыкновенным человеком. В 1980 г. в цеху Гданьской судовой верфи шли переговоры. За этими столами сидели делегаты, которые специально съехались сюда, на верфь. И она была одной из тех, кто оказывал очень мощную моральную поддержку тем, кто сомневался. Надо отметить, что именно она вместе с Анной Валентинович останавливала рабочих, уходивших с верфи.

Мацей Лопинский: — Я увидел этих маленьких женщин, ужасно издерганных, кричавших на смущенных рабочих судоверфи, которые покидали верфь в субботу пополудни (когда дирекция верфи удовлетворила требования «своего» забастовочного комитета, в то время как на сотнях других предприятий шли забастовки солидарности. – Ред.).

Тадеуш Пабиян: — Иду я домой, а приятель говорит: «Иди, погляди, твоя дочь там стоит у ворот и кричит всем, чтобы не уходили, чтобы остались». Я тоже обратно туда вернулся.

Богдан Борусевич: — Август 1980 го очень нас сблизил, потому что мы просто были вместе, старались быть вместе. Спали в мезонине, в зальчике. Спустя три дня после начала забастовки я понял, что участвую в чем-то, что станет в моей жизни очень важным делом. Я понимал, что независимо от того, чем это закончится, возможность поднять миллионы людей в течение двух недель — это по масштабу все равно, что поднять восстание.

Богдан Лис: — Мы не знали, чем это закончится, был такой момент, когда мы думали, что для нас всё это будет означать «полтора метра под землей». Но так или иначе мы понимали, что то, что сейчас происходит, войдет в историю. Был момент, когда все считали, что соглашение будет подписано, все вопросы, собственно, были согласованы, надо было только поставить подпись под соглашением и объявить об окончании забастовки, но была одна проблема. Вице-премьер Мечислав Ягельский не дал нам гарантий, что будут освобождены из-под ареста все те, кто был задержан не за то, что бастовали, а за то, что помогали бастующим.

Архивный материал. Август 1980

Мечислав Ягельский: — Господин председатель, я могу согласиться, но я советую перед окончательным подписанием этого пункта отметить, что нам всем необходимо выражение: поддерживающий.

Анджей Гвезда: — Господин вице-премьер и высокая комиссия, вопрос этот имеет важнейшее значение, это вопрос о том, каким будет наш строй — полицейским или демократическим. Мы не хотим жить в стране, где единства народа добиваются, используя полицейскую дубинку. Задержания на 48 часов, если чьи-то взгляды отличаются от официальных, происходят повсеместно. И в данный момент у

меня также есть список людей, которые были задержаны без предъявления им каких бы то ни было обвинений, и сидят они, вероятнее всего, потому, что неизвестно, каковы их взгляды, и что их взгляды, вероятно, не совпадают с ожидаемыми.

Алина Пеньковская: — Я хотела бы внести еще одно небольшое замечание. Господин вице-премьер обещал безопасность всем бастующим и лицам, им помогающим. На территории верфи в самом начале забастовки был один человек из Варшавы, который рабочим Гданьской судовой верфи помог в редактировании газеты «Солидарность». В данный момент этот человек по выезде из Гданьска в Варшаву был арестован, и прокурор наложил на него санкции.

Богдан Борусевич: — Когда наступил август, Алина стала уже совсем другим человеком, человеком, который способен самостоятельно принимать решения, руководить другими, организовывать.

Зофья Соболевская-Меллибруда: — По телевидению я увидела Алину. Для меня стало сюрпризом то, как она изменилась с тех детских лет. Я смотрела с большим любопытством и уважением, ведь как много ей пришлось изменить и переломить в себе. Мне кажется, что самым существенным было то, что она это делала не для себя, а ради других, и тогда она начинала бороться, тогда преодолевала свою врожденную робость.

Тадеуш Мазовецкий: — В ней была некая решительность, я бы даже сказал, определенное упорство, которые, я думаю, были ей необходимы; а кроме этого упорства была в ней и женская мягкость. А то, что она участвует в забастовке в то время, как ее маленький сын находится где-то там далеко, вызывало к ней еще большее уважение.

Ян Новак-Езёранский: — Это главная женская фигура всего движения «Солидарности». Мне не приходит на ум ни одно другое имя женщины, которая сыграла бы историческую роль в тот момент, когда забастовка носила локальный характер и могла быть задушена прежде, чем о ней узнает Польша. Она знала, как надо действовать, сообщила о забастовке Яцеку Куроню, и через пару часов радиостанция «Свободная Европа» уже передала информацию о забастовке. Благодаря этому забастовка распространилась на всю страну. Во второй раз, когда казалось, что рабочие вот-вот подпишут какое-то

соглашение и закончат забастовку, эта женщина сумела так убедительно выступить перед рабочими, что они выстояли.

Архивный материал. Август 1980

Лех Валенса: — Мы все берем на себя ответственность, не я один. Все вместе — мы сила, в этом наша мощь, и мы это сделаем.

Збигнев Буяк: — Я увидел ее 17 сентября, на первой встрече всех, кто организовывал профсоюзные структуры в стране. Алина Пеньковская — человек необыкновенно тонкий и деликатный. У нее был очень проницательный взгляд, испытующий, но вместе с тем дружелюбный. Сильная личность. Когда с ней был разговор, то видно было, что для нее этот разговор обязывающий. А не так, что вот разговор закончится, и можно разойтись и все забыть.

Тереса Стопчинская: — Я познакомилась с ней после подписания этих соглашений, она тогда начала тут в нашем пункте медицинской помощи организовывать профсоюз, меня тогда очень удивило и то, что ей, такой молодой, просто девочке, уже столько пришлось испытать в жизни и что она берет на себя очень серьезную миссию.

Богдан Борусевич: — Алина занималась структурами здравоохранения, а это было огромным мероприятием. Она занималась этим не в том смысле, чтобы предъявлять требования, она выдвигала различные предложения, предлагала реформы, старалась изменить эту службу, приспособить ее к ситуации. Ведь известно было, что медицинское обслуживание функционировало плохо, а Алина создавала стройную систему пунктов медицинской помощи, основываясь на принципах движения «Солидарности».

Богдан Борусевич: — Я впервые заметил, что за мной следят, причем серьезные силы. Алина пошла на верфь на заседание Общепольской комиссии и потом вечером, когда поняла, что готовится какая-то операция, пошла домой, ну и попала в засаду.

Богдан Лис: — 13 декабря избежать ареста удалось мне, Борусевичу и нескольким другим людям из Гданьска. Алина была интернирована, и вместе с другими женщинами ее привезли в лагерь для интернированных в Голдапе. Вот флаг

этого лагеря в Голдапе, с подписями Анны Валентинович, Алины Пеньковской и других людей, которые были интернированы в этом лагере.

Людвика Вуец: — Алинка жила в комнате с Анной Валентинович и Иоасей Гвяздой. Если Аня Валентинович вносила много тепла в их жизнь в этой комнате, то Иоанна вносила некоторую нервозность, даже напряженность. Я то и дело ощущала, что меня специально приглашают затем, чтобы вытаскивать их из этой политики. Алинка, в отличие от меня, находясь в центре интернирования, ощущала острую потребность действовать. Немедленно девушки начали записывать личные данные всех содержащихся там, чтобы эти сведения собрать и передать на волю. Разумеется, к ним, к этой активной жизни сразу же подключилась Алинка. Начали выходить газетки, написанные от руки, другой техники не было. Нам велели сдать все радиоприемники, которые у нас имеются. Ну мы и поснимали репродукторы со стен и устроили огромную кучу из репродукторов в холле — раз велели принести, мы и принесли. Власти поняли, что им с нами не совладать и что надо вводить какой-то порядок, людей одернуть и поставить по стойке смирно. Часть интернированных вывезли в Дарлувек, и Алинка оказалась в этом транспорте.

Богдан Борусевич: — Я скрывался более четырех лет и поддержка Алины и тех, кто работал над организацией пунктов медицинской помощи, была огромной. Мы старались вести нормальную жизнь во время военного положения, я работал в подполье. Часто Алина на месяц или полтора скрывалась вместе со мной, и тогда я тоже старался работу в подполье отделять от нашей жизни. Всё, что мы делали вместе, укрепляло нашу любовь, наше чувство. Я не знал, что будет дальше, поэтому мы хотели придать нашему чувству некое физическое выражение и решили завести ребенка. Потом уже, когда пришло время крестить дочку, я перебрался на квартиру, откуда мне было не более двух километров до нужного места, и я слушал через полицейскую прослушку, как всё это происходит. Я знал, кто едет, кого задержали, знал, что задержали Алину с ребенком, что проверяли, кто еще с ней едет. Собралась толпа народу, это была целая демонстрация. Теща, как увидела собравшуюся толпу, с удивлением спросила: «Это всё знакомые?» Алина говорит: «Знакомые, надо их принять и угостить». Через год мы обвенчались, мы ехали на трамвае, была такая слякоть, мне удалось достать какие-то русские обручальные кольца. Отрылись двери в соседнюю комнату, и Алина заплакала, увидев скатерть.

Священник Станислав Богданович: — Я помню, как по улицам, заполненным патрулями, в морозный день, это было зимой, по улицам, заставленным автомашинами, танками, пан Богдан как-то пробирался, слегка замаскировавшись, без головного убора, без шапки, волосы засыпаны снегом. Пришел он в эту квартиру, а там оказался усиленный патруль, так как в соседнем доме работал радиопередатчик «Солидарности».

Богдан Борусевич (читает письмо): «Я очень тоскую, еще никогда так не отвыкала от дома. Теперь он мне кажется чужим, а те места, где мы были вместе, очень мне близки. Кингуся — ч?дная, она здорова, уже есть один зубик, она очень повзрослела с того времени, когда мы были вместе. Она обожает меня кормить, например, жареной картошкой, только делает это слишком быстро, все время торопится что-то мне дать и я должна говорить: — Спасибо».

Мы встретились накануне моих именин, в январе 1986 г., у одного моего соратника и друга. Там у него была подпольная типография, прекрасно устроенная, а кроме того, я в то время там жил. Кинга была маленькая, мы с ней там в мячик играли. Я готовился к именинам, мне еще надо было заплатить за помещение типографии в Гданьске, ну я и пошел и нарвался на засаду.

Кинга Борусевич: — Мне было годика два, когда я услышала по радио, что папу посадили в тюрьму. Я сидела, как сейчас помню, на красном огромном ковре, играла в какие-то кубики и расплакалась. Помню, что мама тогда пришла и обняла меня, утешала.

Мацей Лопинский: — Я знал, что когда Богдана арестуют, а рано или поздно это должно было случиться, то мне придется решать какие-то вопросы с Алинкой. Только Богдан, прирожденный конспиратор, меня об этом предупредил, а Алинку — нет. После его ареста я отправляюсь к Алинке и как на духу начинаю на полном доверии говорить с ней о некоторых делах. Я так этим увлекся, что не заметил, как у нее от ужаса волосы встали дыбом: к ней пришел парень, совершенно ей незнакомый, и говорит о самых секретных делах гданьского и не только гданьского подполья.

Антоний Павляк: — На самом деле я знал двух Алинок Пеньковских, это были два совершенно разных, как мне казалось, человека. С первой я познакомился во время забастовки на судовой верфи в 1980 г., и познакомился я тогда с женщиной очень красивой, а с другой стороны — очень решительной и принципиальной. Хорошо известно, что если

обычный человек возносится на высокую и ответственную должность, то он как-то сразу меняется, перестает быть похожим на себя обычного. Потом я о ней долгое время ничего не знал, и вот в 80-е годы увидел совсем другого, нового человека. Эта вторая Алинка, с которой я познакомился позже, и была той настоящей, в которой было много жизненной мудрости и большой теплоты. Она была женщиной, немало испытавшей в жизни, воспитывала одна ребенка, потом сошлась с Богданом Борусевичем, у них родился второй ребенок, многие годы они жили в довольно трудных условиях. У них была квартира, состоявшая из одной комнаты и кухонной ниши.

Мацей Лопинский: — Все в одной куче, на десяти квадратных метрах, и тут же Себастьян, который уже был большой, и Кинга тут же, и Барсук [Борусевич — по-польски Борсук. — Ред.], который отсутствовал, так как он то сидел, то скрывался и действовал в подполье, а на месте — Алина, которая не только была матерью и женой, но еще и конспиративной деятельностью занималась.

Антоний Павляк: — В связи с тем, что они все время участвовали в жизни оппозиции, действовали в подполье, то у них там постоянно то появлялись, то исчезали какие-то люди, никогда там не было жизни как в нормальном доме, то есть личной жизни.

Богдан Борусевич: — Я и Алина, мы пережили настоящее чувство. Оно вызревало в сложных условиях, и для меня было важно, что я полностью мог ей доверять. Мне не надо было волноваться, думать, ждет ли она меня, я просто точно это знал. Это чувство проверялось в самых разных, самых сложных ситуациях, на протяжении всего времени до 1989 г. мы находились в очень трудных условиях. После 1990 г. мы оба остались в профсоюзе «Солидарность», и когда я составлял список депутатов, то, безусловно, Алина должна была в первую очередь прийти мне на ум в качестве кандидата. Но я не включил ее в список, так как она была моей женой. Когда я стал депутатом в 1991 г., она стала сенатором. В 1993 г., когда я был депутатом, она уже не захотела быть кандидатом в сенаторы, ибо это было связано с какими-то политическими взаимными договоренностями. Она сказала, что не будет ни с кем договариваться. В общей сложности мое присутствие в доме составляет пять лет из десяти. Алина всё это время была одна, воспитывала детей, вела домашние дела, строила дом. Я приезжал домой нервный, издерганный из-за разного рода конфликтов, редко говорил ей, что люблю ее.

Кшиштоф Вышковский: — Алина оказалась в мире политики после 89 го года не потому, что ей этого хотелось, но потому, что это было логическим следствием ее предыдущей деятельности. У нее было ощущение, что она сама должна проследить за осуществлением того, за что она прежде боролась. Это не был ее собственный мир, она лишь стояла на страже ценностей, завоеванных в августе.

Збигнев Буяк: — Алина Пеньковская была глубоко убеждена, что раз уж она сама с верфи, то ей надо до конца держаться этой верфи. Быть там и медсестрой, и профсоюзным активистом, и сенатором.

Тереса Стопчинская: — Она, собственно, все время работала в нашем пункте медицинской помощи и уходила исключительно для того, чтобы выполнять общественные функции. Когда она вернулась 1 января 2002 г. после неоплачиваемого отпуска, мне было очень неприятно из-за того, что для такого человека, как она, который, работая в нашем пункте, столько сделал для огромного числа людей, что для нее как раз и не нашлось достойной должности. Я даже говорила ей: «Алина, почему ты на это всё соглашаешься?» Она ответила: «Не преувеличивай, мне нравится быть медсестрой, я отдыхаю, общаясь с пациентами». В августе 2002 г. Алина позвонила мне домой, это было после какого-то длительного лечения, и сообщила о своем решении уйти с должности председателя, и мы договорились на 12 сентября. Она пришла как всегда улыбающаяся, довольная. Состоялись выборы. Я не помню, когда еще собиралось такое количество людей, мы, разумеется, все ее поблагодарили, и она всех благодарила за многолетнее сотрудничество.

Тереса Малек: — Мы теперь чувствуем себя словно покинутыми, потому что нам очень тяжело. Раньше ведь все двери были открыты. А теперь не к кому обратиться, некому позвонить, в общем, нам ее очень не хватает.

Богдан Борусевич: — Мы старались не говорить о смерти. Конечно, мы понимали, что это вероятно, что это возможно, поэтому последний отпуск провели как-то особенно. Мы бродили с собакой, по грибы, очень любили ходить в горы. Я показал Алине горы, и она их очень полюбила.

Зофья Соболевская-Меллибруда: — У нас были одинаковые платица на первое причастие, из одного и того же материала, одинаковые веночки на голове из маргариток. Алина была очень впечатлительным ребенком, поэтически настроенным, мы так хорошо умели разговаривать друг с другом, мы

создавали свой собственный мир из фантазий, воображаемый. Мы придумывали всякие истории, как будто существует некое место, надо только его отыскать, где все счастливы и где все хорошо складывается.

Яцек Пабиян: — В какой-то момент надо было себе сказать: стоп, надо заняться садом, чем-то таким, чем во всем мире занимаются обычные женщины. Перестать заниматься проблемами людей, медсестер, рабочих с судоверфи.

Кинга Борусевич: — Те два года, когда она была сенатором, я жила у бабушки, и это не воспринималось мною как что-то плохое. Мы очень сблизились за это время, в последние годы она всё время была дома, и даже стала моей подружкой.

Себастьян Пеньковский: — Для меня у нее было мало времени, и, когда я вступил в пору взросления, я в этом ее упрекал. А вот теперь я вижу, что всё свободное время она мне тогда посвящала, причем очень добросовестно, с большой заботой. Из-за того, что мама так помогала людям, я тоже начал, как и она, помогать людям. Я многому у нее научился, так что поначалу даже не отдавал себе отчета в том, какой профессиональный путь выбираю. Я думаю, что как сын с матерью мы прекрасно понимали друг друга, она всегда знала, когда я хитрю, а я всегда знал, когда она хитрит.

Хелена Лучиво: — В ней было нечто чарующее, благородное, ей можно было полностью доверять в фундаментальных вопросах. У нас были разные политические взгляды, но это не имело особого значения.

Мацей Лопинский: — Такой я ее запомнил, немножко резкой, когда это требовалось — как тогда, на судоверфи, когда я ее в первый раз увидел, — и в то же время мягкой, когда это было возможно.

Зофья Соболевская-Меллибруда: — Она была именно особой силы человеком, она действительно верила в те идеи. Для нее это не было карьерой, это была ее глубокая убежденность в том, что в жизни всегда можно сделать что-то хорошее.

Себастьян Пенковский: — У нее были и свои прекрасные мечты и стремления, и тысячи других вещей. Но в такие моменты, когда требовались смелость и силы, она забывала о мечтах.

Роман Пабиян: — Она всегда мечтала, еще за год до смерти, что посадит сад, закончит дом, выйдет на пенсию и будет заниматься только домом и детьми, — и не успела.

Яцек Тайлор: — Она была человеком, задававшим тон всей песне. Я думаю, что Богдан ей многим обязан, хотя именно он был нашим руководителем, но она была той самой шеей, которая головой вертит.

Богдан Борусевич: — Я на самом деле счастлив, что встретил такой бриллиант, который оказался алмазом.

Автор сценария и режиссер документального фильма Анджей Титков

Агентство по производству телепередач и Киностудия «Так», 2003